

Россия в мемуарах

Л.В. Шапорина
ДНЕВНИК

Новое
Литературное
Обозрение

Россия в мемуарах

Любовь Шапорина

Дневник. Том 1

«НЛО»

2017

УДК 792.9(092)Шапорина Л.В.(093.3)
ББК 85.337.3(2)6-8Шапорина Л.В.ю14

Шапорина Л. В.

Дневник. Том 1 / Л. В. Шапорина — «НЛО», 2017 — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-4448-0824-5

Любовь Васильевна Шапорина (1879–1967) – создательница первого в советской России театра марионеток, художница, переводчица. Впервые публикуемый ее дневник – явление уникальное среди отечественных дневников XX века. Он велся с 1920-х по 1960-е годы и не имеет себе равных как по продолжительности и тематическому охвату (политика, экономика, религия, быт города и деревни, блокада Ленинграда, политические репрессии, деятельность НКВД, литературная жизнь, музыка, живопись, театр и т. д.), так и по остроте критического отношения к советской власти. В книге нашло отражение близкое знакомство Шапориной с А. А. Ахматовой, А. П. Остроумовой-Лебедевой, Н. С. Тихоновым, А. Н. Толстым, Д. Д. Шостаковичем, М. В. Юдиной и многими другими известными современниками.

УДК 792.9(092)Шапорина Л.В.(093.3)
ББК 85.337.3(2)6-8Шапорина Л.В.ю14

ISBN 978-5-4448-0824-5

© Шапорина Л. В., 2017
© НЛО, 2017

Содержание

Институтка: Автопортрет в советском интерьере	6
Дневник	17
1898	17
1899	19
1900	23
1901	32
1902	36
1903	41
1917	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Любовь Шапорина

Дневник. Том 1

Вступительная статья В. Н. Сажина, подготовка текста и комментарии В. Ф. Петровой
и В. Н. Сажина

Серия выходит под редакцией А. И. Рейтблата

© Сажин В. Н. Вступ. статья, комментарии, 2017

© Оформление. ООО «Новое литературное обозрение». 2017

* * *

Институтка: Автопортрет в советском интерьере

Дефицит искренних дневников советских граждан – одно из частных проявлений тотального дефицита, свойственного советскому периоду российской истории. Причины этого дефицита общеизвестны: политическое и идеологическое устройство тогдашнего государства. Д. П. Кончаловский справедливо отмечал: «Если участники или наблюдатели советской жизни и вели записи событий в форме дневников (что было в высшей степени рискованно), то мало шансов, чтобы эти записи сохранились. Лично я не вел своего дневника; описывать события в моем антибольшевистском преломлении было опасно в случае обыска, который был всегда возможен: риск был в данном случае не только для меня, но и для лиц, которых я упоминал бы в моем рассказе»¹. Между тем благодаря публикациям в последние полтора-два десятилетия некоторых сохранившихся дневников, которые вели, так сказать, нелояльные советские граждане, оказывается возможным к этой справедливой в общем характеристике добавить некоторые нюансы, ее отчасти корректирующие.

Прежде всего можно более или менее локализовать во времени такие дневники: их прекращают вести (если не вовсе уничтожают) на переходе («переломе») от 1920-х к 1930-м гг.², что объяснимо расширением с начала 1930-х репрессий, сопровождавшихся обысками; с декабря 1934 г. репрессии уже приобрели массовый характер (в связи с этим выглядит запоздалой (и явно преувеличенной) реплика Тынянова (в передаче В. Каверина) осенью 1937 г. «Я схожу с ума, – сказал он, – когда думаю, что каждую ночь *тысячи людей* (курсив мой. – В.С.) бросают в огонь свои дневники»)³. Редкие смельчаки и в 1930-е гг. продолжали фиксировать в дневниках свое нелицеприятное мнение о советской власти – таков дневник 1933 – 1940 гг. А. Г. Манькова (в предисловии приводится письмо Д. С. Лихачева от августа 1994 г.: «Я удивляюсь – какой Вы смелый. Ведь за такие дневники могли расстрелять. <...> лучшей передачи духа времени мы не знаем»)⁴.

Особый период для жанра дневника наступил с началом Великой Отечественной войны (и с окончанием войны – завершился). Минуя целый комплекс мотивировок, вызвавших к жизни поток, в частности, ленинградских блокадных дневников, отметим в данном случае одну. Если катастрофическое неблагополучие жизни, претерпеваемое гражданином в довоенное время, имело *внутренние* причины, на которые указывать было смертельно опасно, то в период войны (и блокады) оно приобрело причину *внешнюю* – немецкий фашизм, который ненавидеть было не только не рискованно, но и полагалось. Осознанно или инстинктивно, люди не только не опасались фиксировать в дневниках мрачные детали повседневного существования, но и считали это необходимым сделать прежде всего для обличения фашизма.

Исследователями отмечен рост числа дневников с середины 1950-х гг.⁵, но и он не был долговременным.

Таким образом, знакомство с разнообразными аспектами жизни минувших времен, на которое обычно рассчитывает читатель дневников, в случае с дневниками советского пери-

¹ Кончаловский Д.П. Воспоминания и письма: (От гуманизма к Христу). Paris, 1971. С. 176.

² См., например: Куллэ Р.Ф. Дневник 1924 – 1932 гг. // Уроки гнева и любви. Л., 1990. Вып. 1. С. 2 – 11; Вып. 2. С. 12 – 28; Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931). Paris, 1991.

³ Каверин В. Эпилог. М., 2006. С. 234.

⁴ Маньков А.Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001. С. 12 (впервые: Звезда. 1994. № 5; 1995. № 11).

⁵ «В них отражается сиюминутное восприятие исторического факта, события, явления. Но вот оценка его присутствует там не всегда. Да и дается часто с учетом самого разного рода посторонних обстоятельств, в том числе небезосновательных опасений, что их читателями окажутся нежелательные лица» (Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953 – 1964 гг. М., 2004. С. 11).

ода разочаровывает – и ничтожным их количеством, и неадекватностью содержания реальным историческим обстоятельствам⁶.

Дневники Л. В. Шапориной – исключение из сказанного выше. Это не имеющий аналогов среди опубликованных на сегодняшний день дневников советского периода путеводитель абсолютно по всем аспектам жизни 1920 – 1960-х гг.: повседневному быту; умонастроениям интеллигенции, рабочего класса, крестьянства; политической истории и истории культуры – театра, музыки, живописи... Добавим к этому, что дневниковые записи начинаются еще в XIX в. и включают также и ретроспективные мемуарные фрагменты о событиях досоветского периода. И наконец: это дневники человека, которому чужда власть, правящая страной, и который на всем протяжении дневника (собственно, всей жизни) искренне пишет об этом.

Настоящее предисловие – несколько предположений о том, откуда произошли два таких феномена: человека и дневника.

Любовь Васильевна Шапорина (урожденная Яковлева) родилась 9 (22) декабря 1879 г.⁷ в Москве в дворянской семье⁸. О фундаментальности семейных традиций можно судить по двум вещам: именам детей и их профессии. У Яковлевых мальчиков всегда называли Василиями в честь деда по отцовской линии⁹ (в случае рождения в семье второго мальчика ему давали имя в честь дедушкиного брата Александра); и профессию мальчики наследовали дедовскую – служили, как и он, по морскому ведомству. Насколько можно судить по дневнику, отношения между родителями Шапориной не были идиллическими и не могли служить для нее вдохновляющим примером. Однако соблюдение формальной этики в собственной семейной жизни – при всех драматичных перипетиях – являлось для нее незыблемым императивом, а нередкое несоответствие этой этике со стороны близких всегда вызывало у Шапориной негативную реакцию.

Двенадцати лет, в январе 1892 г., Шапорину отдали на воспитание и обучение в Санкт-Петербургское училище ордена Св. Екатерины (Екатерининский институт)¹⁰ на набережной реки Фонтанки, дом 36¹¹.

По общепринятому мнению, образование здесь, как и вообще в такого рода учебных заведениях, было уровнем ниже, чем в хороших гимназиях. Но между тем иностранные языки – французский и немецкий – усваивались неплохо благодаря правилу чередовать в разные дни общение то на одном, то на другом языке¹². Помимо языков акцент в образовании делался на музыке, хоровом церковном пении, живописи, домоводстве, рукоделии.

Вообще все содержание образования ориентировалось на главную воспитательную цель: выпускницы должны были стать высоконравственными женами и матерями, которые передали бы своим детям веру в Бога и любовь к отечеству и монаршей власти. Примером истового патриотизма, культивировавшегося в училище, стала легендарная история о том, как классная

---

⁶ Об этом см., например: *Шинкарчук С.А.* Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // *Российская повседневность 1921 – 1941 гг.: Новые подходы.* СПб., 1995; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

⁷ Во всех сохранившихся документах, вплоть до свидетельства о смерти (самый ранний из них – виза на въезд с детьми во Францию от 28 октября 1924 г.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 22), указана дата рождения: 1885 г.

⁸ Подробные биографические сведения о предках Шапориной и близких родственниках, выявленные в РГИА, ЦГИА Санкт-Петербурга и РГА ВМФ, см.: *Носова А.Г.* Л.В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998 – 1999 год.* СПб., 2003. С. 96 – 132.

⁹ Эта традиция сохранилась у Яковлевых и в эмиграции.

¹⁰ Впоследствии в автобиографиях Шапорина указывала местом своего обучения среднюю школу в Петербурге (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 23); отметим, что автобиографии советских граждан, родившихся и получивших образование до Октябрьской революции, в разных отношениях интересный и показательный документальный источник.

¹¹ Об этом учебном заведении см.: *Карцов Н.С.* Несколько фактов из жизни С. – Петербургского училища Ордена Св. Екатерины. СПб., 1898; *Исторический очерк столетней деятельности С. – Петербургского училища ордена Св. Екатерины.* СПб., 1902.

¹² Английский нарочито был в загоне; ср. с заметной по дневнику Шапориной ее англофобией.

дама некогда читала воспитанницам известия с фронта Крымской войны. В числе погибших назывались имена двух братьев одной из присутствовавших воспитанниц. «Девушка заплакала и сквозь слезы произнесла: “Слава Богу, что они умерли за Царя и Отечество”»¹³.

За десятилетия существования закрытых женских учебных заведений сформировался такой образ поведения и тип личности их воспитанниц, что слово «институтка» стало нарицательным¹⁴.

Институткой могли называть женщину, эмоционально, прямодушно и не задумываясь об условностях выражавшую свои чувства. Так говорили о взрослом человеке, с детской непосредственностью и наивностью удивлявшемся привычным большинству людей негативным моральным чертам: лжи, лицемерию, неверности, непорядочности... Так характеризовали женщину, не находящую себе занятия и не умеющую приспособиться к практической жизни, а оттого выпадающую в уныние и самоуничужение.

Шапорина с отличием прошла пятилетний обязательный курс обучения в Екатерининском институте¹⁵ и в числе еще одиннадцати воспитанниц была оставлена для двухлетнего продолжения обучения в педагогических классах¹⁶. 15 мая 1899 г. окончились выпускные экзамены и она вернулась в родительский дом.

Дальнейшее зависело от степени влияния, оказанного на нее годами обучения и институтским воспитанием, обстановкой в семье и, разумеется, природными свойствами Шапориной.

Самые светлые жизненные воспоминания будут у нее связываться с годами институтской жизни, потому что реальность, с которой она столкнулась после института, окажется в вопиющем нравственном противоречии с усвоенными ею там принципами. Своеобразие и цельность натуры Шапориной проявятся в том, что всю дальнейшую долгую жизнь в своем поведении и эмоциях она будет руководствоваться принципом «не доверять мнению большинства общества, идти всегда прямо»; «Жить так и действовать так, чтобы каждый вечер душа, совесть была вполне спокойна <...>» (I, 25)¹⁷. Естественные трансформации с годами девических идеалов и правил поведения настолько минуют Шапорино, что и на склоне лет в глазах окружающих она будет воплощать все те же характерные черты институтки: «Я уже несколько раз замечала, что вы на многое реагируете, как будто вам шестнадцать лет» (II, 292); «У вас понятия XVIII века» (II, 59); «весь мир таков, это вы необыкновенны» (II, 13); «Вы всегда скажете в лицо людям их правду или неправду»¹⁸, а родственники или близкие знакомые будут и в 70 лет называть ее, как подростка, Любаней или Любашей (I, 473)¹⁹.

Со своими жизненными принципами и идеалами она уже по выходе из института почувствовала себя одинокой. Как можно судить по дневникам Шапориной, ее одиночество в эти годы акцентировалось крайне обострившимися отношениями с матерью, женщиной неласко-

¹³ Карцов Н.С. Указ. соч. С. 23.

¹⁴ Обстоятельное исследование этого феномена см.: Белоусов А.Ф. Институтки в русской литературе // Тынниковский сборник: Четвертые Тынниковские чтения. Рига, 1990. С. 77 – 90; *Он же*. Институтка // Школьный быт и фольклор: В 2 ч. Таллинн, 1992. Ч. 2. С. 119 – 159; *Он же*. Институтка // Ускользящее время, или Плоды воспитания. СПб., 1996. С. 28 – 37; *Он же*. Институтки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 5 – 32.

¹⁵ За это она удостоилась чести на праздновании 100-летнего юбилея института 26 мая 1898 г. в присутствии императорской семьи прочитать стихотворение, написанное к юбилею одной из бывших воспитанниц (см.: Исторический очерк столетней деятельности С. – Петербургского училища ордена Св. Екатерины. С. 475).

¹⁶ См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 31. Л. 5. Это образование дало ей возможность, по-видимому, в 1909 г. преподавать в Смольном институте (что именно – неизвестно, возможно, рисование: живописи она незадолго до этого училась в Париже); см.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68. Л. 5.

¹⁷ Здесь и далее в предисловии в скобках даются ссылки на том и страницы дневника Шапориной в настоящем издании.

¹⁸ Письмо М. Юдиной к Шапориной от 4 января 1958 г. (Кабинет рукописей Российского института истории искусств (РИИИ). Ф. 48. № 59. Л. 12).

¹⁹ См.: Попов Г.Н. Из литературного наследия: Страницы биографии. М., 1986. С. 150.

вой и нравной, для которой, по-видимому, Люба оказывалась на вторых ролях в сравнении с ее дочерью от первого брака.

До конца жизни ведя дневник, – выходя замуж, рожая детей, имея довольно широкий круг общения, приобретая новых друзей, – Шапорина вместе с тем то и дело записывает, что это ее единственный собеседник, который замещает отсутствующего подлинного друга, с которым она могла бы быть безоглядно откровенной. Возможно, в такой самооценке сказывалась свойственная ее характеру склонность иной раз излишне драматизировать некоторые житейские ситуации, но именно благодаря этому – и верности однажды начатому делу – и сформировался дневник Шапориной, лишенный какой бы то ни было оглядки на возможного читателя (только в 1949 г., на пороге семидесятилетия, она задумается о потенциальном читателе, но лишь затем, чтобы, перечитав написанное, уточнить некоторые факты).

По окончании института Шапорина не избежала традиционного для ее бывших соучениц ощущения неприкаянности. В наилучшем положении оказывались те, кто вскоре сумел выйти замуж, – тотчас исполнив главное (если не единственное) предназначение, к которому готовил институт. Другие (и Шапорина в их числе) очень скоро осознали, что за годы учения не получили таких знаний или умений, которые бы позволяли применить их к какой-либо деятельности. Отмеченная современниками в качестве типичной для институток неуверенность в себе и склонность к самоуничтожению у Шапориной окажется утрированной, потому что совпадет, по-видимому, со свойствами ее характера. «Овца, ни на что не годная» (I, 23) – рефлексия началась еще за полгода до выпуска. А затем это станет лейтмотивом: «...неужели так и пройдет жизнь и я опущусь, погрязну, не сделав ничего» (I, 28; см. также: I, 30 – 31). Но и по прошествии еще тридцати лет (и практически до конца жизни) к ней будет возвращаться сознание органической неспособности устроить складно свою жизнь: «Я не выдержала экзамена на жизнь. Меня жизнь сломила, у меня не хватило дарованья, силы, упорства, энергии. Тяжело, конечно, было – но это не извиненье» (I, 136).

Оборотными – благими – сторонами свойственной Шапориной авторефлексии окажутся, во-первых, потребность, как сказано, в ведении дневника (средства для постоянной самооценки) и, во-вторых, действенный характер ее самоанализа: там, где другие разочарованно опускали руки, Шапорина совершала поступки.

Спустя почти два с половиной года колебаний в выборе жизненного поприща после окончания Екатерининского института Шапорина приняла решение начать самостоятельную жизнь в Петербурге (это время она жила в родительском доме в Вильно или в находившемся неподалеку и принадлежавшем ее сводной сестре имени Ларино). С октября 1902 г. она поселилась в столице, зарабатывала на жизнь частными уроками (что именно преподавала – неизвестно) и училась живописи у А. В. Маковского в рисовальной школе при Академии художеств. Она решила стать художницей.

Уже в 1904 г. у нее были готовы иллюстрации к произведениям К. Пруткова и получено от наследников разрешение на публикацию книги его сочинений со своими иллюстрациями²⁰. Но это издание не состоялось. Успехи Шапориной в изобразительном искусстве были таковы, что осенью 1906 г. петербургские друзья художницы Е. С. Кругликовой (работавшей тогда в Париже) рекомендовали ей Шапорину для учебы офорту²¹, а по возвращении в Петербург в

---

²⁰ См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 20 – иллюстрации; Ф. 698. Оп. 2. № 22 – переписка с наследниками А.В. и А.М. Жемчужниковых.

²¹ Воспоминания Шапориной об этом опубликованы посмертно: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество: Сб. Л., 1969. С. 68 – 70. Несмотря на разницу в возрасте и статусе (Кругликова тогда была уже известной художницей), они подружатся, впоследствии Шапорина привлечет Кругликову к работе в своем кукольном театре, а перед отъездом из СССР в 1924 г. оставит Кругликовой на хранение свой офортный станок (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 30. Л. 3).

1908 г. Шапорина вскоре начнет участвовать в выставках офорта Нового общества художников и «Мира искусства»²².

За короткое время она познакомилась в литературно-художественном мире со многими людьми, которые будут сопутствовать ей – творчески и в повседневном быту – в течение последующих десятилетий: А. Н. Толстым²³, сестрами Н.Я. и Е. Я. Данько²⁴, А. А. Смирновым, В. П. Белкиным, М. А. Кузминым²⁵ и многими другими.

26 января 1914 г. Шапорина обвенчалась со студентом Петербургской консерватории Юрием (по официальным документам – Георгием) Александровичем Шапориным²⁶. В этот момент ему было 26 лет, а ей уже 34 года. Возможно, именно тогда она уменьшила свой возраст и стала числиться родившейся в 1885 г., чтобы оказаться всего лишь на два года старше своего мужа: она могла остерегаться того, что первый брак в 34 года уже достаточно известной художницы со студентом на восемь лет моложе ее будет выглядеть вынужденным мезальянсом.

По прошествии десятилетий она признавалась себе: «Я и замуж-то вышла, чтоб укрыться от страха перед жизнью» (I, 143), а свадебные подарки, оказывается, делала себе сама (I, 410). Вряд ли, несмотря на искренность самоанализа, Шапорина была в состоянии дать себе ответ на вопрос: почему именно в это время и именно за этого человека она вышла замуж? Тем более не будем пытаться сделать этого мы. Обратимся лучше к тем представлениям о взаимоотношениях мужчины и женщины и о супружеской жизни, которые были внушены Шапориной в институте.

Институт, конечно, трактовал семью в идеальном духе, и так рассуждает Шапорина: «... мне бы хотелось больше, выше всего жить духом, уничтожить силу физического начала – это цель моя» (I, 23). Тут пришлось кстати и чтение «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого: «...всякое желание нравиться не вообще, а мужчине, всякое предумышленное кокетство низко, гадко, отвратительно. Желать любви, как я это прежде делала, мне показалось прямо совестным. И подумав о всем этом, я пришла к заключению, что никогда не должна полюбить и [должна] не выходить замуж» (I, 26). Заметно, что такой вывод Шапорина сделала не без борьбы с собой, но важно, что итоговим было именно такое решение. Упрочению его способствовали неблагоприятные впечатления от жизни родительской семьи. Отец, вероятно, был мягким и ласковым человеком, в противоположность матери – властной, жесткой и вспыльчивой. Когда Шапорина объясняла себе причины отъезда в Петербург в 1902 г. или выхода замуж в 1914 г., всякий раз они сводились к необходимости избавиться от материнского истерического гнета, который, как видно, превалировал в атмосфере этой семьи.

Так у Шапориной складывалось убеждение, «что ужаснее нет жизненного строя, как семейный. Семья – это такой ужас, такой унижающий в человеке все человеческое строй» (I, 33).

---

²² Носова А.Г. Указ. соч. С. 104. Здесь же (С. 104 – 105) сведения о работах Шапориной, хранящихся в Государственном Русском музее.

²³ В соседстве с ним в Детском Селе и регулярном общении пройдут почти все 1930-е гг.

²⁴ С ними Шапорину будет связывать дружба вплоть до их эвакуации во время войны из Ленинграда (перед эвакуацией сестры оставили Шапориной свой архив, книги и авторский фарфор); пьесы Е.Я. Данько ставились в кукольном театре Шапориной.

²⁵ Кузмин М. Дневник 1908 – 1915. СПб., 2005 (по указ. имен). Первоначально Кузмин называл Шапорину «своей врагинею», которую «я от души ненавижу» (Кузмин М. Указ. соч. С. 185 и 186) – по-видимому, ревновал ее к С.С. Познякову, с которым Шапорина дружила и часто приходила к Кузмину (см. искренние письма Познякова к Шапориной: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68), но очень скоро уже отзывался о ней так: «Она очень мила» (Кузмин М. Указ. соч. С. 355). Вероятно, в 1911 – 1912 гг. Шапорина сделала серию рисунков к книге Кузмина «Куранты любви», но завершила ее лишь в 1934 г. Спектаклем по пьесе Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный» 12 апреля 1919 г. Шапорина открыла свой кукольный театр, а в 1923 г. намеревалась поставить там же спектакль по сказке Кузмина «Кот в сапогах» (с его музыкой) (см.: Тимофеев А.Г. Был ли разут «Кот в сапогах»? // Всемирное слово. 1992. № 2. С. 37 – 40).

²⁶ Она взяла фамилию мужа, но в дальнейшей творческой деятельности выступала под девичьей фамилией, а в литературе о ней можно встретить ее упоминания и под двойной фамилией Яковлевой-Шапориной.

Были ли романические отношения в жизни Шапориной до замужества? Она указывает на них в разных местах дневника: это Б. А. Верховский, знакомый по Вильно; «разочарование молодости» – некто С. С. Иванов; по мнению Шапориной, роман назревал у нее с Н. Н. Сапуновым²⁷; наконец, по-видимому, идеальными (в понимании обеих сторон) были ее отношения с Позняковым, о чем он, вероятно, в 1909 г. писал ей так: «Вот я сознаю, что я свободен от животности. Вот я не как мужчина, не как сексуалист того или другого направления, а как человек люблю другого человека, не справляясь о его поле, не нуждаясь в его половых проявлениях»; и далее: «Вы простите, милая, что я столь бессвязно излагаю Вам Ваши же мысли. Да, это Ваши мысли, но уже и мои. Вы меня им научили, и я с ними расставаться уже не желаю. <...> Вам самый преданный и самый любящий Вас человек на всем земном шаре Сергей Позняков»²⁸.

По прошествии пяти-семи лет супружеской жизни (классического «испытательного срока») Шапорина могла сказать, что ее неприязнь к супружеской жизни оправдалась личным опытом (может, отчасти потому и оправдалась, что была предвзятой *idée fixe*).

Уже с 1919 г. Шапорины стали подолгу жить врозь: с лета этого до мая 1922 г. Юрий, изредка наезжая домой, работал в Петрозаводске с частью труппы Театра академической драмы (бывшего Александринского), преподавал в местной музыкальной школе и дирижировал симфоническим оркестром²⁹. Жена тем временем организовала в Петрограде театр марионеток, ставила в нем спектакли и лишь год, с мая 1921 по май 1922 г., прожила с мужем в Петрозаводске. Здесь, как оказалось, за время их разлуки у него образовалась едва ли не вторая семья.

В октябре 1924 г. Шапорина с восьмилетним сыном и трехлетней дочерью уехала через Берлин в Париж. Кажется, это было для нее избавлением от двусмысленного семейного положения, в которое она попала. Между тем через некоторое время муж приехал к ней, уговаривая вернуться в СССР.

Шапорина приехала в Ленинград осенью 1928 г. Но семейная жизнь не восстанавливалась. Под тем предлогом, что ему надо работать в тишине и покое, Шапорин чаще пребывал в городской квартире или уезжал надолго в Москву, а жену с детьми с лета 1929 г. поселил в Детском Селе, куда эпизодически наезжал³⁰. В их жизни возобновилась все та же, что и почти десять лет назад, двусмысленность, сопровождавшаяся пересудами многочисленных знакомых. Хозяйка обеспечивала формальную внешнюю благопристойность детскосельского семейного уклада, благодаря чему впоследствии вспоминали, например, «о чудесном доме Шапориных там же, в этом русском “Веймаре”, овеянном высоким духом незабвенной первой его супруги Любови Васильевны Яковлевой-Шапориной, художницы-портретистки, кукольницы, переводчицы (с пяти языков!), человека редкой образованности и доброты»³¹; о том, что «Любовь Васильевна, образованная и умная женщина, обладала искусством привлекать и привязывать к дому молодежь. В шапоринском доме всегда бывали игры, шарады, представления»³².

²⁷ Шапорина была в числе пяти участников катания 14 июня 1912 г. на лодке в Териоках, когда лодка опрокинулась и Сапунов погиб; об этом событии Шапорина написала воспоминания 18 июля того же года (*Шапорина Л.В.* О Н.Н. Сапунове / Публ. А.Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 266 – 286).

²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 68. Л. 6 – 6 об.

²⁹ См.: *Лапчинский Г. Ю.* Шапорин в Карелии // Советская музыка. 1966. № 6. С. 151 – 152.

³⁰ Шапорина писала ему 2 июня 1932 г.: «...мы откровенно голодаем вот уже дней десять. Питаемся водяным супом, картофельными и рисовыми котлетами. Должна кругом и всем, обещала расплачиваться 2-го, т. к. была уверена, что 1-го ты мне вышлешь деньги, а ты, как видно из письма, еще только собираешься поговорить о деньгах» (РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 8. Л. 9).

³¹ *Юдина М.* Лучи Божественной Любви: Литературное наследие. М.; СПб., 1999. С. 123.

³² *Толстой Д.А.* Для чего это было: Воспоминания. СПб., 1995. С. 38.

По укоренившейся привычке к самоанализу Шапорина то и дело рефлексирует по поводу одного из свойств своего характера: «Вся беда в том, что я *органически* не могу не заботиться и не баловать в темную голову окружающих меня людей» (I, 117). Инстинктивный порыв помочь, услужить, по-видимому, выработывался христианским воспитанием в Екатерининском институте. Но вместе с тем, вероятно, он первоначально был защитной реакцией ребенка на сварливую вспыльчивость вечно чем-нибудь недовольной матери. С годами это укоренилось у Шапориной как спонтанное душевное движение, независимое от того, насколько недоброжелателен или враждебен к ней тот, кому она благодетельствует. Так было, в частности, и в ее отношениях с мужем.

Шапорин тяготился семьей, хотя жена деятельно помогала ему решать творческие проблемы. Главной из них была невозможность продвинуться в сочинении оперы «Декабристы»³³. Опера была задумана, по-видимому, в 1925 г. Первую редакцию либретто – под названием «Полина Гебль» – написали А. Н. Толстой и П. Е. Щеголев. В конце 1920-х гг. Толстой завершил последний, по его мнению, вариант либретто. Но композитор постоянно откладывал работу над музыкой, причем главным его аргументом был недостаток литературного материала. Несмотря на ранившую ее нескладницу в отношениях с мужем, Шапорина принялась деятельно подыскивать для него тексты, которые помогли бы ему продвинуться в сочинении оперы³⁴.

Но добрый порыв оказался тщетным. Наступил 1934 год. Шапорин рассорился с Толстым³⁵ и практически расстался с семьей – переехал в Клин, в часть Дома-музея П. И. Чайковского. В Москве у него уже была другая семья, и там в этом году родился его сын Александр.

В канун своего шестидесятилетия Шапорина почти теми же словами, что и по выходе из института, вынесла приговор семейной жизни: «Если женщина хочет чего-нибудь добиться, она не должна обзаводиться семьей» (II, 112). Но если почти пятьдесят лет назад ее представления об этом были умозрительными, то сказанное в 1948 г. – результат свойственного ее мировоззрению ригоризма и суровой оценки собственного жизненного опыта.

Под словами «чего-нибудь добиться» Шапорина подразумевала, конечно, свою творческую деятельность. Какою же она была в реальности?

Как сказано выше, в 1900 – 1910-е гг. эта деятельность начиналась с успешных занятий живописью – портретом, пейзажем, офортом. В 1916 г. она впервые обратилась к кукольному театру: сделала эскизы декораций к спектаклю по ею же переведенной пьесе К. Гоцци «Зеленая птичка»³⁶ и костюмы для представления «Силы любви и волшебства» в «Привале комедиантов»³⁷. С 1 декабря 1918 г. (официальная дата учреждения) Шапорина – художествен-

³³ Неумение Шапорина работать динамично и завершать свои произведения в намеченные сроки было его общеизвестным свойством. Так случилось, например, с кантатой «Куликово поле» на стихи А. Блока из цикла «На поле Куликовом»: ее замысел возник у Шапориной весной 1919 г.; до конца того же года Блок написал по его просьбе несколько дополнительных фрагментов и приспособил некоторые из ранее написанных к уже созданной Шапориным музыке; однако только в 1938 г. Шапорин сумел закончить произведение (изменения и дополнения в текст были внесены М. Лозинским; первое исполнение 18 ноября 1939 г.); материалы этой работы см. в архиве Блока: РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 104; об истории сотрудничества Блока и Шапориной см. в комментариях к дарственной надписи Блока Шапориной на своей третьей книге «Стихотворений»: Лит. наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 140 – 141.

³⁴ Дневниковые записи Шапориной об этой ее работе использованы в главе об истории создания оперы в кн.: *Левит С. Юрий Александрович Шапорин: Очерк жизни и творчества.* М., 1964. С. 311; то же см.: *Толстая Е. Д. Л. В. Шапорина в работе над оперой «Декабристы» // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы.* М., 2008. С. 532 – 549 (с дополнительными фрагментами дневника, некоторыми неточностями в изложении биографии Шапориной и собственными воспоминаниями о ней автора).

³⁵ Либретто впоследствии переработал В. Рождественский, а опера была впервые поставлена в 1953 г.

³⁶ См.: *Смирнова Н. И. Советский театр кукол: 1918 – 1932.* М., 1963. С. 59. Шапорина даже заключила в 1917 г. с издательством «Альциона» договор на ее издание с собственными иллюстрациями, но оно не осуществилось.

³⁷ См.: *Конечный А. М., Мордере В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Приют комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия: 1988. М., 1989. С. 118, 119.*

ный руководитель организованного ею Петроградского театра марионеток³⁸. Театр открылся 12 апреля 1919 г. двухчастным представлением, поставленным Шапориной: спектаклем по пьесе М. Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный» и «Сказкой о царе Салтане» по Пушкину³⁹. Время до конца театрального сезона 1923 – 1924 гг. было для Шапориной творчески исключительно плодотворным: она и сама поставила множество спектаклей и создала талантливый театральный коллектив, включавший писателей, художников, композиторов и режиссеров. При этом, за исключением приведенного отклика Кузмина, все прочие отзывы о работе Шапориной сводились, в сущности, к одному и тому же: «... настоящее, большое, художественное наслаждение»⁴⁰. В короткий период пребывания в Петрозаводске она не бросала творческих занятий: писала декорации для драматического театра. В Париже она занималась художественным переводом: в 1926 или 1927 г. перевела с итальянского пьесу «Каждый по-своему» Л. Пиранделло и отослала мужу для устройства представления на сцене⁴¹. Кроме того, здесь нашлось применение и ее таланту художницы: вместе с Н. П. Гойер она расписывала модные шелковые ткани. По возвращении в СССР она в 1929 – 1932 гг. раскрашивала ткани для театральных костюмов...

Таким образом, несмотря на обременительную и несчастливую для Шапориной семейную повинность, объективных оснований считать, что она ничего за это время не добилась, у нее не было: все двадцать лет этой жизни она интенсивно и с удовольствием работала, и именно в те годы сформировалась ее творческая биография, успешно продолжавшаяся и после того, как Шапорин ее покинул⁴².

Заслуженная Шапориной в эти годы репутация талантливого режиссера-кукольника способствовала и дальнейшей ее интенсивной работе: она руководила организованным в 1934 г. театром марионеток при Доме писателей («... первое ее выступление под Новый год с шаржами на писателей и критиков было изумительно»⁴³), который в 1936 г. был передан в систему Госэстрады и под руководством Шапориной просуществовал почти до начала 1941 г. Одновременно ставила спектакли в кукольном театре Выборгского района Ленинграда. Той же творческой работой режиссера кукольного театра она занималась и во время блокады (в театре при Доме Красной армии), а после войны руководила кукольным театром при Доме пионеров Фрунзенского района.

То же можно сказать о переводческой работе Шапориной. Помимо упомянутых переводов пьес она в течение двадцати лет (1944 – 1964) переводила Стендаля, Г. Келлера, К. Гольдони, Пиранделло, «Хроники моей жизни» И. Стравинского, французские письма К. Петрова-Водкина к жене⁴⁴ и произведения других авторов с итальянского, французского и немецкого языков.

³⁸ Об истории театра в период руководства им Шапориной см.: *Смирнова Н.И.* Указ. соч. (по указ. имен); *Шнет Л.* Советский театр для детей: Страницы истории. 1918 – 1945. М., 1971. С. 30 – 32.

³⁹ На «Сказку о царе Салтане» Кузмин написал отрицательную рецензию (*Кузмин М. П.* Новый Салтан // Жизнь искусства. 1919. № 129. 6 мая). Любопытно, что Шапорина присутствовала 1 сентября 1911 г. на представлении оперы Н. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», во время которого в присутствии императора и многих министров был убит А. Столыпин (программа этого спектакля с автографом-комментарием Шапориной: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 31. Л. 16 об.).

⁴⁰ *Нератов А.* «Вий» в Кукольном театре // Жизнь искусства. 1920. № 622/624. 3/5 дек.

⁴¹ РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 8. Л. 2.

⁴² При этом Шапорина отнюдь не стремилась к тому, чтобы муж, очевидно расставшийся с семьей в 1934 г., оформил развод с ней: сам Шапорин не делал этого по безалаберности (что привело в дальнейшем к коллизии с его двоеженством), а ей положение жены известного советского композитора не раз, как это явствует из дневника, давало существенные привилегии (начиная с получения в 1935 г. квартиры в кооперативном доме 14 по Кировскому проспекту; ходатайство об этом А. Толстого перед Жилищным отделом Ленсовета от 11 марта 1935 г. см.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 3. № 3).

⁴³ *Толстой А.* Письмо М. Горькому от 15 января 1935 г. // Толстой А. Переписка: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 196.

⁴⁴ Изданы только в 1991 г.: *Петров-Водкин К.П.* Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991.

Окружавшие Шапорину люди с восхищением отзывались о ней: «умнейшей, эрудированной, много читающей, милейшей» называл ее Ф. Крандиевский⁴⁵; А. Остроумова-Лебедева характеризовала Шапорину «как человека очень одаренного, живого, сильно и глубоко реагирующего на все окружающее»⁴⁶; В. Рождественский, записав 7 августа 1943 г. в альбом Шапориной свое стихотворение, адресовал его: «Дорогой Любви Васильевне Шапориной – достойной гражданке великого города <...>»⁴⁷ (см. также приведенные выше характеристики М. Юдиной и Д. Толстого).

Отчего же при всех этих успехах, творческой насыщенности жизни и искренней любви многих окружавших Шапорину людей ей представлялось, что она ничего в жизни не добилась?

Проблема, видимо, состояла, как ни парадоксально, в своеобразной цельности ее натуры: верности некогда сформировавшимся убеждениям, идеалам, этическим нормам (иной назвал бы это догматизмом).

Так, если она по выходе из института решила, что не создана для любви и семейные узы будут в ее жизни отягчающими оковами, то совершившееся все-таки через четырнадцать лет замужество безусловно должно было оцениваться Шапориной как вынужденное, ведущее к несчастью и оборачивающееся творческой непродуктивностью.

Негативное отношение к семейной жизни и, в частности, к мужу она перенесла и на сына Василия⁴⁸, которым постоянно (как некогда ею – ее мать) была недовольна, и так систематически и писала в дневнике, что сын – копия своего нерадивого отца. С годами, когда Василий стал известным театральным художником и даже поставил в 1957 г. в качестве главного художника новосибирского театра «Красный факел» «Венецианских близнецов» К. Гольдони в переводе Шапориной, а в семейной жизни испытал собственные драматические коллизии, мать стала к нему ласковее. Лишь к родившейся у нее после сорока дочери Алене у непреклонной Шапориной вдруг пробудилась истовая (как часто и бывает) любовь; тем паче: смерть девочки в двенадцатилетнем возрасте лишней раз утвердила Шапорину в мысли о губительности семейной жизни для нее самой.

Пожизненная верность усвоенному в молодости мировоззрению определила и ее отношение к политическим и социальным явлениям, обстоятельствам, процессам, свидетельницей и участницей которых она оказалась.

Самым точным, по-видимому, наименованием мировоззрения Шапориной было бы слово «патриотизм». Однако ограничиться одним этим определением без рассмотрения того, что составляло для нее понятие патриотизма, было бы, на наш взгляд, неверным. (Не будем только упускать из виду, что мы имеем дело не с трактатом, не с систематическим изложением взглядов и идей, в котором автор заботился бы об их непротиворечивости, а с искренним дневником, который, повторим еще раз, писался без расчета на чтение кем бы то ни было.)

Что же входило в состав патриотизма Шапориной?

Любовь к России – так сказать, патриотизм в чистом виде. Характерно, что на протяжении десятилетий свою любовь, со свойственным ей и во многом другом консерватизмом, Шапорина описывает в одних и тех же выражениях. 26 февраля 1901 г.: «...хотелось бы все сделать, что в силах, для дорогой моей России. Люблю я ее, как человека» (I, 44); «Когда я закрываю глаза и думаю о России, мне представляется она живым существом, с которого живого сдирают кожу, кровь хлещет» (I, 90). Этот патриотизм иррационален: «В Россию можно только верить» – так,

⁴⁵ Крандиевский Ф.Ф. По дорожкам детскосельских парков // Звезда. 1984. № 3. С. 69 – 70.

⁴⁶ Цит. по: Сурис Б. «...больше, чем воспоминанья»: Письма художников, 1941 – 1945: В 2 кн. СПб., 1993. Кн. 1. С. 68.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 1086. № 36. Л. 6.

⁴⁸ О нем см.: Березкин В. Художник Василий Шапорин // Театр. 1966. № 5. С. 136 – 137; Костина Е. Художник театра В. Шапорин: (К вопросу о традициях) // Искусство. 1968. № 4. С. 24 – 28; Шапорин В. «Волнение от сущности» // Творчество. 1968. № 9. С. 3 – 4; Луцкая Е. «И песня, и стих...» // Художник. 1977. № 6. С. 25 – 28; Луцкая Е. Василий Шапорин // Театр. 1978. № 8. С. 77 – 80.

прямо цитируя Ф. Тютчева или его перефразируя, Шапорина будет писать в 1917, 1930, 1932, 1933 гг. (I, 54, 84, 126, 140 – 141), и только уже на склоне лет, душевно устав от полувековых перипетий политической жизни страны, она скажет: «...моя вера в Россию пошатнулась» (II, 326) – это когда народ будет «громом аплодисментов» приветствовать нового правителя СССР Н. С. Хрущева.

Любовью к России определялось и ее неприятие всех новых реалий советской жизни, начиная с насаждавшегося новояза: «Меня ужас, жуть берет при мысли о России. Одичавшая, грубая жизнь, грубый язык, какое-то чуждое мне» (I, 74). Шапорина постоянно отмечает режущие слух всепроникающие языковые новинки: «треплется», «достижение», «мóлодежь»⁴⁹, «ЖАКТ», «схлестнуться», «выдвиженка» и тому подобные. А в собственном словоупотреблении, как бы защищаясь от советских новаций, будет то и дело оперировать уже отмененными топонимами и по укоренившейся институтской привычке переходить с русского языка то на французский, то на немецкий (к ним еще добавляется изученный ею самостоятельно в молодости итальянский) – подчас это литературные цитаты, но иногда и просто эмоциональные реплики по тому или иному поводу⁵⁰.

Любовь к России привела Шапорину к другой составляющей ее патриотизма – *национал-большевизму*. По прочтении знаменитой книги А. де Кюстина «Россия в 1839» она возмущенно записала: «А у нас его захвалили, благо он все русское ругает, а с разбором или нет, – это все равно, лишь бы ругал. Большевикам еще большая свеча поставится за то, что они учат патриотизму русских. Давно пора» (I, 211). А по прошествии трех месяцев с начала войны, еще, конечно, не представляя себе, каков будет ее трагический ход, но все с той же идеей о национально ориентированной сильной власти Шапорина написала: «Я вчера думала: Россия заслужила наказание, и надо, чтобы “тяжкий млат” выковал в ней настоящую любовь к родине, к своей земле. <...> Россия не может погибнуть, но она должна понести наказание, пока не создаст изнутри свой прочный фашизм» (I, 264). Несмотря на постоянное ощущение своего одиночества, Шапорина тут рассуждает в русле распространившегося еще с 1920 г. и довольно популярного в дальнейшем не только в политической, но и в обывательской среде умонастроения и идеологической концепции⁵¹.

От национал-большевизма для некоторых приверженцев этой идеологии пролегла во время войны дорога и к коллаборационизму: те, кто полагали власть коммунистов антипатриотичной, готовы были приветствовать приход фашистов в надежде, что они приведут к власти подлинных русских националистов, поскольку: «Хуже, чем есть, не будет, а хоть церкви-то разрешат и Богу молиться»⁵². Еще в 1939 г., прочитав о подписанном СССР с Германией пакте о ненападении, Шапорина записала: «Рабство, германское иго – так я предпочитаю, чтобы оно было открытым. Пусть на каждом углу стоит немецкий шуцман с резиновой дубинкой в руках и бьет направо и налево русских хамов, пьяниц и подхалимов. Может быть, они тогда поймут, где раки зимуют» (I, 239). Но когда немецкая армия будет нещадно бомбить в декабре 1941 г. Ленинград, она отзовется так: «Какая бессмыслица! Я разочаровываюсь в немецком уме и гитлеровской стратегии. Он может уничтожить и город, и жителей, но пока армия стоит – город не сдадут. Зачем же разрушение?» (I, 283). И в конце концов Шапорина будет с гордостью

⁴⁹ Ср.: *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926). 2-е изд. М., 1928. С. 77, 49, 205.

⁵⁰ В этом плане дневник Шапориной – литературный памятник многоязычия *такого* советского человека.

⁵¹ См.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris, 1980.

⁵² *Криптон К.* Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952. С. 65 и др. См. также: *Комаров Н.Я., Куманев Г.А.* Блокада Ленинграда. 900 героических дней. 1941 – 1944: Исторический дневник. Комментарии. М., 2004; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России: 1941 – 1944. М., 2004.

констатировать: «Победу, войну у нас сумели организовать, надо отдать справедливость. <...> Это организовать. А победить мог только русский народ» (I, 423)⁵³.

Наконец, третья составляющая патриотизма Шапориной, происходящая от ее активного неприятия правившей страной власти, – *антисемитизм*. Читатель дневника Шапориной не раз встретит ее разнообразные пассажи в этом роде. Но то будут слова. Вместе с тем, читая тот же дневник, нельзя не увидеть, насколько часто ее поступки и отношения с людьми расходились со словами.

Что из этого следует? То, что, по крайней мере во мнении знавших Шапорину людей, у нее, безусловно, не было репутации антисемитки, а записываемое в этом роде в дневнике не только не проявлялось в ее общении с евреями, но практически дезавуировалось конкретными поступками. Это противоречие свидетельствует, скорее всего, о том, что антисемитизм Шапориной, как составная часть воспитанного в ней с юности патриотизма, был не плодом обдуманного ею мировоззрения, а данью традиционному стереотипу и в значительной степени иррациональным чувством⁵⁴.

В восьмидесятилетнем возрасте, после неоднократных попыток, Шапориной удалось повидаться с братьями, о встрече с которыми она постоянно мечтала на протяжении тридцати с лишним лет⁵⁵. Это было для нее возвращением в родную семью, в молодость – встретила даже со своими институтскими подругами, о которых никогда не забывала. И здесь, в благополучной Швейцарии, очередной раз ей довелось проявить неизменность своего характера и убеждений: «Мне не хотели верить, что со смертью Сталина прекратился террор, что его больше нет. Милейшая М. Филип. пыталась меня распропагандировать <...>, но я ей ответила: “... вот уже сорок два года, как мы отбились от всех, кто надеялся взять Россию голыми руками, и стали сильнее, чем когда-либо”» (II, 386).

Наивная искренность, прямотушие и верность идеалам молодости не покидали ее до конца жизни.

Любовь Васильевна Шапорина умерла 17 мая 1967 года.

Валерий Сажин

---

⁵³ Читателю дневников Шапориной, обнаруживающему иной раз ее непоследовательность или наивность, особенно в рассуждениях на политические темы, надо помнить: она совершенно не заботилась (не задумывалась), что когда-нибудь эти дневники будут читаться, тем более изучаться.

⁵⁴ Об этом см.: *Золотоносов М.* Русоблудие: Заметки о русском «оно». Антисемитизм как психоаналитический феномен // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 269 – 286.

⁵⁵ За Шапорину ходатайствовал перед Министерством иностранных дел в апреле – мае 1959 г. друг ее семьи Д. Шостакович (письма Д. Шостаковича Шапориной об этом см.: РИИИ. Ф. 48. № 57; в том же архиве хранится значок Театра рабочей молодежи, подаренный Шостаковичем дочери Шапориной Алене: Ф. 48. № 76).

Дневник 1898 – 1945

1898

14 ноября. Боже мой, такая ничтожность, овца, ни на что не годная. И главное, еще меня ценят, говорят, что мировоззрение хорошо, что умна и т. д. А все это фразы, т. е. не фальшивые фразы, а, во всяком случае, хоть и вполне искренние, но не исполнимы. То-то и беда, что желаний много, в особенности слов много, и боюсь, ужасно боюсь, что ничего не исполню, что так и останусь теоретиком. А между тем с каким бы я удовольствием все сделала для всех, не из альтруизма, а только оттого, что если какая угодно жертва касается лишь меня одной, то ее так легко, так просто принести, в особенности умереть, поступить в монастырь, так сжаться, съежиться и заснуть навсегда. Боже мой, я знаю, что это грех, что я пишу.

К чему стремиться? знай – без горя жизни нет;
Надежда – глупый сон.
Другие мне в ответ таинственно звучат:
У нас иная жизнь! У нас иной закон...
Не верь отжившим, пусть плывут они назад, –
Былое – глупый сон!⁵⁶

5 декабря. Может ли существовать чистая, идеальная любовь между мужчиной и женщиной, – я думала что да.

Можно любить не красоту, внешнюю часть человека, а вдумываться в душу, но мне кажется, что такая любовь приходит лишь позже. Любовь возникает не в голове, а в сердце, следовательно, влюбляется человек не духовною, а физическою стороною своего существа. Так ли это? Как это грустно. Господи, если бы я могла понять, дойти до того, что хочу, – мне бы хотелось больше, выше всего жить духом, уничтожить силу физического начала, это цель моя.

Но надо ли? Зачем же тогда созданы мы из духа и тела, чтоб только была постоянная борьба между ними? Нет, это слишком гадко. Я хочу верить, что любовь – высшее чувство, просветляющее душу, я хочу верить, что не все же так грубо и просто, – мне это просто больно. Я так бы хотела, чтобы жизнь была выше, духовнее.

Господи, помоги мне сделать, понять это. Но ведь, например, кн. Андрей – я его и ценю и люблю за эту духовную жизнь. Он любил только Наташу⁵⁷, и именно так, хорошо.

Но можно ли так прожить, не любя, ведь всегда и повсюду пелось и говорилось, что несчастен тот, кто прожил, не любя. Что же тогда? Где Истина?

Жить как живется нельзя, невозможно. Жить надо, выполняя все положенное, исполняя все высшее, что в тебе есть; надо смотреть на брак и любовь между прочим. Так ли?

Надо ли идти против природы – вот главный вопрос.

Следующий вопрос – дурно ли любить.

Над нами Бог, с нами Бог, буду надеяться на него, Он дал мне жизнь, дал дух, дал все, буду же брать от жизни, что дает!!

Правда ли, хорошо ли будет?

---

⁵⁶ Цитируется стихотворение Я.П. Полонского «Кораблики» (1870).

⁵⁷ Упомянуты персонажи романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1863 – 1869).

Уяснить это противоречие – и я буду очень счастлива.

1899

1 февраля. Итак, ровно ничего.

Господи, Господи, полное ничтожество – жалкий Гамлет Щигровского уезда⁵⁸. Фразы, чудные принципы, убеждения, мысли, все видят способности, что-то ждут, и ничего.

Неужели же никогда никому и ничему не будет пользы от меня – лучше просто умереть, просто и коротко все разрешится. А ведь я думала сама, что, может быть, у меня есть что-нибудь, а оказываются только сомнения, стремления, неуверенность, нерешительность, и только.

Лучше быть бы без всех этих каких-то высших стремлений, а то видишь где-то голубое небо, где так хорошо, а сама по колено в грязи, и нет ни сил, ни умения выбраться, и ничего-то, ничего-то нет. Эх, кабы была у меня широкая да цельная натура – а то чувствую какое-то страстное желание вырваться в жизнь, на широкий простор – ан нет, точно узда надета.

Боже мой, Боже мой, помоги мне, на Тебя одного надеюсь.

10 февраля. И как мне не совестно грустить. Я хотела сказать⁵⁹

15 мая. Сегодня кончились экзамены, следовательно, навсегда кончились наши занятия на школьной скамье – выходим в жизнь. Что-то там ждет нас? Бог весть, но я бы страшно желала одного – не отступать от известных правил, которые мне нравятся: во-первых, как говорит Л. Толстой в своем «Воскресении», – *жить, веря себе, не веря другим*⁶⁰. То есть не доверять мнению большинства общества, идти всегда прямо – *прямо*. Господи, дай мне сил, помоги мне идти по такому пути, всегда анализируя свои действия. Это главное; нельзя жить и только жить, предоставляя себе действовать так себе, просто как влечет момент, что тебе в данную минуту весело, интересно. Только не это. Жить так и действовать так, чтобы каждый вечер душа, совесть была вполне спокойна, чтоб не было этих мучительных укоров за каждую глупость.

9 июля. Вчера нечаянно отворила Толстого на «Крейцеровой сонате»⁶¹, и его рассуждение о любви поразило меня и вернуло опять на ту же мысль, которая уже часто занимала.

Итак, неужели это правда, неужели нельзя верить в любовь? Любовь, такая, как ее поют, неужели не существует? И я почувствовала, что это так, по крайней мере между большинством людей.

Не к чему себя обманывать, – всякое желание нравиться не вообще, а мужчине, всякое предумышленное кокетство низко, гадко, отвратительно. Желать любви, как я это прежде делала, мне показалось прямо совестным. И, подумав о всем этом, я пришла к заключению, что никогда не должна полюбить и <должна> не выходить замуж. Где-то там внутри меня мне стало грустно, но я отогнала это от себя, это все тщеславие, боязнь *ridicule*⁶² старой девы, и это все прошло. Любви, святого чувства нет, но почему же мне как-то больно становится, когда я подумаю, что отказываюсь от нее навсегда? Да, это правда, Любовь все-таки скрашивает жизнь. Пусть она иллюзия, но коли без нее так пусто, значит, она, как и поэзия, должна существовать.

⁵⁸ Имеется в виду персонаж рассказа И.С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» (1848) из «Записок охотника».

⁵⁹ Текст не дописан.

⁶⁰ В романе «Воскресении» (1889 – 1899) о его герое Нехлюдове говорится: «И вся эта страшная перемена совершилась с ним только оттого, что он перестал верить себе, а стал верить другим. Перестал же он верить себе, а стал верить другим потому, что жить, веря себе, было слишком трудно: веря себе, всякий вопрос надо решать всегда не в пользу своего животного я, ищущего легких радостей, а почти всегда против него; веря же другим, решать нечего было, все уже было решено и решено было всегда против духовного и в пользу животного я. Мало того, веря себе, он всегда подвергался осуждению людей, – веря другим, он получал одобрение людей, окружающих его» (Ч. I. Гл. XIII).

⁶¹ Повесть Л.Н. Толстого «Крейцера соната» (1887 – 1889).

⁶² показаться смешной (*фр.*).

В «Крейцеровой сонате» Толстой пишет – любовь животное чувство (отвратит)⁶³. Но рассуждаю так: Человек – животное, у него и инстинкты таковы. Но как и все мельчайшие из инстинктов человек скрашивает, возвышает своим разумом, анализом, мыслью. Поэтому страсть может быть присуща лишь людям грубым, низменным. Вообще все люди, по-моему, по отношению к чувству могут быть разделены на высших и низших. Первых, в особенности между мужчинами, страшно мало. Из всех виденных мною молодых людей, мне кажется, один Ш. принадлежит к высшим во всех отношениях.

Полюбить можно и из низшего; это очень легко, но я наперед отказываюсь от такой любви. Совсем. Правда.

Сегодня приезжая баба сказала с насмешкой: «Хорошо вам, барышни, прогуливаться». И правда, надо что-нибудь делать, работать. Эх, кабы на медицинские курсы – это моя мечта. Что же делать?

Боже мой, что делать?

8 сентября. Странное впечатление произвело на меня чтение «Что делать?»⁶⁴. Манера писать, слог меня все время раздражали, это не роман, не действительная жизнь. Все эти люди – отвлеченные идеи и теории, которые не могут интересовать читателя как люди. Идеал человека Рахметов⁶⁵. Что же представляет он из себя? Это человек добрый, честный, благородный, не дающий воли никаким порывам своей натуры, обуздывающий ее вполне, живущий исключительно для других, и не столько для других, сколько для идеала; этот идеал улучшение состояния человечества. Задача велика. Он по мере сил исполняет ее и за 40 лет до Нехлюдова отрешается от собственности. Это все отлично и в общем мне нравится. Но все-таки мне кажется, что это что-то не то. Что же надо? Быть может, я с этим не соглашаюсь только потому, что это слишком высоко для меня, но мне кажется, надо жить проще. Не надо затевать перевернуть мир или улучшить человечество, а создать себе небольшой круг деятельности и здесь принести большую пользу. Если бы все стали так делать, человечество бы много двинулось (как сегодня я слышала один солдат рассуждал: «Кабы мы все хорошо жили, на что бы нам государь был?»). Но опять-таки, без сильных людей, хватающих через край, быть нельзя – они все-таки со своими и ошибками и неудачами стоят неизмеримо выше других и двигают других. Опять я в противоречии, и никогда из них не выйду; что же мне делать?

Что же касается других лиц, то мне прямо было смешно, как ловко устроилась их жизнь с самого начала. Затем разошлись. Каждый совершенно спокойно нашел себе пару, и потом опять сошлись. Все не жизненно, но в общем что же делать? А вот: надо работать умно, равномерно, с отдыхами, одним словом, вести нормальную здоровую жизнь. Это удел порядочного человека. Жаль только, что Чернышевский не поставил своих героев в более обыкновенные условия, с мелочами каждодневной жизни, т. к., мне кажется, такая счастливая безоблачная жизнь немислима; вообще, все это утопия.

За что мне приняться?

Мне очень хочется поступить на медицинские курсы, хотя и пугает и 5 лет учения, и работа, и боюсь, хватит ли способностей. А ведь как хорошо иметь почву под ногами, а не ждать у моря погоды. Ужасно я за себя боюсь, боюсь влюбиться с непривычки. Я, между прочим, кажется, очень люблю одиночество, согласна с Лопуховым⁶⁶ на этот счет.

---

⁶³ Шапорина формулирует то, что в разных вариантах произносит главный герой «Крейцеровой сонаты» Позднышев, например: «Всякий мужчина испытывает то, что вы называете любовью, к каждой красивой женщине» (Гл. II); «...самая возвышенная, поэтическая, как мы ее называем, любовь зависит не от нравственных достоинств, а от физической близости...» (Гл. VI); «...предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь всегда есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно» (Гл. XIII).

⁶⁴ Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863).

⁶⁵ Герой названного романа Чернышевского.

⁶⁶ Персонаж романа «Что делать?».

11 октября. До сих пор ничего не сделано, это ужасно, прямо ужасно. А вместе с тем как мне хочется заниматься, учиться. Нет, окончательно я люблю одиночество и стремлюсь к нему.

15 ноября. «Знание прекрасного есть истинный путь и первая ступень к познанию вещей хороших и тяжких, и законы, жизнь и радость красоты в материальном Божьем мире составляют такую же вечную и священную часть творения, как в мире духовном добродетель, а в мире ангелов Богочитание», – говорит Рёскин. По-моему, красота во всех ее проявлениях есть лучшее средство для того, чтобы пробудить в сердце человеческом все высшее, что так часто дремлет, если совсем не спит. Не знаю, может быть, такое чувство слишком субъективно, не думаю, но ничто так не действует на меня возвышающе и облагораживающе, как впечатления прекрасного – зрительные или слуховые, зрительные даже, пожалуй, более действуют на благороднейшие стороны души. Пение я обожаю, когда я слышала Шаляпина, я вся дрожала; и вообще музыка, известная, страшно на меня действует: она пробуждает массу каких-то неясных желаний, туманных и щемящих сердце, – впечатление получается не совсем цельное и не чисто эстетическое. Мне кажется, музыка скорее действует на физическую природу человека. Красота же, которую мы видим, если она в самом деле велика, действует исключительно на духовные чувства. В особенности красота природы в непосредственном созерцании.

Дж. Ст. Милль: «Лучше быть недовольным человеком, чем довольною свиньей, неудовлетворенным Сократом, чем довольным дураком... Много людей, которые в молодости с энтузиазмом бросались на благородное, потом, по мере того как вступали в лета, становились апатичными, себялюбивыми. Способность к благородным чувствам в большей части натур – очень нежное растение, которое легко гибнет не только под враждебными влияниями, но даже за недостатком ухода; у большинства молодых людей эта способность исчезает очень быстро, если занятия, к которым предназначает их положение в свете, и общество, в котором они вращаются, не возбуждает ее к постоянной деятельности».

Неужели же и мне придется когда-нибудь перечитать эти строки и понять, что они относятся ко мне, что и я погибла. Господи, Боже мой, неужели так и пройдет жизнь и я опущусь, погрязну, не сделав ничего. Я это пишу, и у меня слезы горло сдавливают, что же будет потом. Хоть бы был один человек, у кого спросить совета, но ведь нету, нету нигде. Все они – и мама, и Леля – скажут: от самой зависит и т. д. и т. д.

Это сказать легко, ой, как легко, но сделать трудно, когда не знаешь, что делать. Ведь у меня душа полна стремлений к делу, к добру, к принесению пользы, и я чувствую, что была бы в состоянии делать то, что надо, у меня есть силы. Но что делать? Что делать? Ведь мне больно, мне тяжело, я не знаю, куда идти. Неужели же я не найду исхода?

Здесь люди живут по существу, а там проделывают бесконечный ряд условностей.

Потапенко.

11 декабря. Прочла «На действительной службе» Потапенко.

Да, конечно, Кирилл – это высший идеал⁶⁷, и я бы думала, что недостижимый, если бы не прочла летом, как один, кончив университет по медицинскому факультету, сделался сельским священником. Служить бедным – не то ли это, о чем я мечтаю, и вижу, что, коли хочешь послужить «единому из малых сих»⁶⁸...

Если что-либо хочешь сделать, живи *одна, одна и одна*. Семья – это одна пута, т. к. никогда одобрения быть не может ни в чем.

Любовь может дать счастье на год, а потом только остановка всему лучшему.

---

⁶⁷ В повести Потапенко «На действительной службе» (1890) главный герой отказывается от карьеры ради службы сельским священником.

⁶⁸ Мф. 18: 6.

Семья делает общество и семейный быт, развивает общественность, но вместе с тем уничтожает благосостояние и нравственный подъем. Благосостояние в смысле служения ближнему.

1900

11 января. Вильно. Вот уж почти месяц, как я в Вильно, сколько новых лиц, новых разговоров, и какая разница в жизни. Но теперь я по всему вижу, что ни папа, ни мама совершенно не могут и не умеют вести городскую жизнь, светскую. Мне, к моему удивлению, эта жизнь понравилась, я быстро с ней освоилась, так же, как и с деревенским одиночеством. И только теперь я почувствовала, как мне хочется пожить весело, как все. Но это невозможно, и мне это больно. Лучше уж жить в деревне и думать, что я лишь оттого не пользуюсь всем тем, чем пользуются другие, а не видеть у себя под носом то, что взять нельзя. Почему я не могу жить и увлекаться, как все другие? Эх, лучше, право, на все махнуть рукой, тоска так тоска. По правде сказать, я от мамы ожидала большего в смысле светскости. Самой же составить себе жизнь веселую как-то не хватает энергии. Не к чему! Мне 20 лет, лучшие годы прошли, осталось каких-нибудь 3, самое большее 4 года молодости, и чем я их вспомяну, чем? Это интересно.

Что же, самые приятные годы – это 3 последних институтских года, годы полной свободы, независимости, беззаботности, дружбы, веселости и шалостей. Кроме этого приятных воспоминаний у меня нет. Да и эти воспоминания сильно боюсь, чтобы скоро не отравились разочарованием в подругах – письма все реже и короче от петербургских. А видит Бог, как я их всех люблю.

Денег у меня нет, книг нет, нет ничего того, что я люблю и что удовлетворяло бы моим вкусам, а платья мои стоят чуть не по сту рублей каждое. Не глупо ли, не безумно ли глупо! И у нас все так, все шиворот-навыворот. Не идем к Гр., где мне весело, а идем к старым Нееловым, где мне нет причины быть. Почему родители, взяв от жизни все, так мало думают, что надо же и нам чем-нибудь отпраздновать свою молодость?

Ах, как мне все надоело, как бы я хотела умереть. Единственный исход. Курсы, курсы – неужто и это останется несбывшейся мечтой? Не думаю, т. к. впереди все пусто. Замуж я не выйду, т. к. я выйду лишь за такого, как [1 нрзб.], а таких нет на свете.

Я знаю очень хорошо, что весь этот ропот на судьбу очень дурен, что это нехорошо, что не в этом счастье и т. п., но больше не могу. Хуже бы было фарисействовать перед самой собой.

Все равно, все равно; я знаю, что моя жизнь будет самой серой, неприглядной, ну и все равно, все равно.

24 января. Интересует меня мое будущее. В общем, я прежде удивлялась и даже с завистью удивлялась, когда слышала, что подруги влюбляются и увлекаются, а теперь вполне поняла, что это от себя зависит. Захоти, и сейчас если не влюбишься, то, по крайней мере, заинтересуешься кем-нибудь. Но такого рода увлечения мне не по вкусу, и я так увлекаться не буду, хотя, пожалуй, моя-то натура быстрее, чем какая-либо, prend feu⁶⁹. Но на это есть в голове такая сильная пожарная команда, которая всякий огонь затушит. Так ли это будет и впредь? Надеюсь. Но не знаю почему, чуется мое сердце, что если быть мне замужем, то скорее всего за (так! – В.С.). Хотя не знаю, может быть, и ошибаюсь, и во всяком случае, он мне сильно не нравится.

Идеал мой – медицинские курсы, и только это. Это деятельность самостоятельная, полезная, умирать спокойно можно доктору.

Будущее меня интересует, но не манит. «Гляжу на будущность с боязнью, гляжу на прошлое с тоской»⁷⁰. Что день, и год, и век грядущие мне готовят⁷¹ – that is the question⁷².

⁶⁹ загорается (фр.).

⁷⁰ Начальные строки стихотворения М.Ю. Лермонтова без заглавия (1837 или 1838).

⁷¹ Аллюзия на слова Ленского из поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823 – 1831).

⁷² это вопрос (англ.). Цитата из «Гамлета» Шекспира (1601).

To be happy or not to be happy???⁷³ Мне кажется, как бы народ просвещен ни был, всегда будут существовать гадалки и предсказатели будущего.

1 февраля. Жизнь надоела. Т. е. такая, какую я веду. Боже, Боже мой, как бы я хотела чем-нибудь увлечься, чтоб что-нибудь меня захватило всю.

Постоянное неудовлетворение – это хуже всего. И непременно надо поступить на будущий же год на курсы. Если это даже и не увлечет меня, не захватит, то, по крайней мере, будет уверенность, что живешь с пользой, что исполняешь долг. А то так – это ужасно.

А у меня такая страшная потребность веселья, молодой жизни, увлечения. «И так желаний много». На что, на что, ведь ни йота из этого не сбудется в жизни. И к чему пишут книги с такой идеальной жизнью, с такими сильными чувствами. Ведь это<го> нет, нет и нет. Хотя я напрасно говорю, обобщая. Все это относится ко мне только. Пустоцвет, ну и кончено. Но грустно, ой, как грустно, и больно и тяжело. И говорили про меня: увлекающаяся?!

18 февраля. Жизнь надо переменить, и непременно. Так устроиться, чтобы не пропало даром то, что есть: способность к труду, к учению, и главное – любовь к учению.

А на курсы – *непременно*.

19 марта. Тяжело у меня на сердце, страшно тяжело. Неудовлетворение, какая-то внутренняя сутолока, суета, неуверенность. И от этого больно, больно, как будто кто-то умер или страшный сон снится, плакать хочется. Что же это, отчего так тяжко? Ой, Боже мой, как безысходно грустно. Отчего, почему? Потому, что все хорошее отъезжало куда-то, потому, что меня, как Саула, Бог оставил. О! Эта возмутительная пустая отвратительная жизнь – жизнь без цели, без Идеала, без всего. И не от кого зависит – конечно, от меня, и тут-то и коренится самый гвоздь.

Необходимо мне разобраться в самой себе.

Дело в том, что за последнее время я как-то окончательно усвоила себе новую философию, а именно поставила себя центром своей жизни, и исходя из того, что я молода, что молодость скоро проходит, я ни о ком не думала и, конечно, была страшно недовольна всем, т. к., в общем-то, увлечения, конечно, нет. Но это пора бросить. Пока сама являешься центром, конечно, ничто и никто не удовлетворит... Пора мне смириться. *Seul le silence est grand; tout le reste est faiblesse – le silence et la patience*⁷⁴.

Это так; но теперь второе – мое образование. Мое полное ничтожество в этом отношении меня страшно мучит. Как поставишь себя с Стазей, то так мучительно больно станет, а ведь, право, не знаю, с чего начать. Собственно говоря, конечно, следовало бы так – что существует, затем – как существует.

Начать с естественных наук, затем историю, философию, искусство, литературу. Это, конечно, самый правильный путь, но путь долгий. Кроме того, я не умею читать. О! Вообще я полное ничтожество.

Что же делать? Надо выпрямиться, встряхнуться, авось и мы еще повоюем? А?

24 марта.

Чего хочу, чего?
О, так желаний много,
Так к выходящей силе нужен путь,
Что кажется порой, их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь⁷⁵.

⁷³ Быть счастливой или не быть счастливой (*англ.*). Аллюзия на слова монолога Гамлета.

⁷⁴ Только молчание – сила, все остальное слабость; остается молчать и терпеть (*фр.*). Слова до точки с запятой – цитата из стихотворения А. де Виньи «Смерть волка».

⁷⁵ Неточно цитируются начальные стихи III части цикла Н.П. Огарёва «Монологи» (1844 – 1847).

Хочется, хочется, хочется – чего? Не знаю. Думаю, чего-нибудь другого, что есть. Как, бывало, в институте мы говорили *événement*⁷⁶. Мне хочется чего-нибудь новенького, чего-нибудь не такого, что повторяется каждый-каждый день, все одно и то же, одно и то же, и так без конца, и впереди то же самое, и так бесконечно. Ах, нужны курсы, мое единственное спасение.

Хоть бы что-нибудь случилось – но нет, никогда и ничего, и так мало-помалу затянет болото, тина. Чудный пейзаж.

Нет, ни за что и никогда.

Non è il mondan romore altro ch'un fiato
di vento, ch'or vien quinci e or vien quindi,
e muta nome perché muta lato⁷⁷.

*Vanitas vanitatum et omnia vanitas*⁷⁸, – сказал Соломон⁷⁹ в старости. А в молодости имел сотни жен.

27 апреля. Подходит к концу мое пребывание в Вильне. Надо будет подвести как-нибудь итог, не хитря и совершенно откровенно.

Конечно, я собой недовольна, я сделалась страшно эгоистична, и как от этого отделаться, и ума не приложу; очень уж меня манит жизнь на народе, болтовня (ух какая пустая!) и тому подобное; я все себя утешаю тем, что мы скоро уедем в Ларино и там примусь серьезно за дела. Надо мне измениться к лучшему, в особенности по отношению к маме.

А все-таки помимо всяких философствований мне бы очень хотелось любви, увлечения, но, кажется-таки, моя натура неспособна, хотя, конечно, главное происходит *потому, что я сама* никому не нравлюсь.

Итак, в Ларине я хочу серьезно заниматься: рисованием, чтением, итальянским, латынью, английским с Сашей⁸⁰ и вообще самообразованием, удастся или нет – это вопрос. Боже мой, помоги мне исправиться.

31 мая. Как мне жаль, что я не пишу дневник каждый день и не записываю то, что со мной бывает, о чем я думаю. Впоследствии, вероятно, было бы интересно прочесть.

Собственно, к каким я пришла выводам за это время? К самым грустным, а именно: что ужаснее нет жизненного строя как семейный. Семья – это такой ужас, такой, унижающий в человеке все человеческое, строй.

Я чувствую, что совершенно не способна к такой жизни, уж и теперь достаточно вкусила сладости семейной жизни.

Я буквально никого не обвиняю, но мне страшно тяжело дома; я понимаю вполне, как можно очертя голову замуж выйти за первого встречного или пасть еще гораздо ниже. Может, Соничка Бороздина так и поступила; я, конечно, не сделаю ни того, ни другого, только бы мне поскорее латынь изучить; отчего у меня так мало силы воли и характера? Это прямо ужасно и возмутительно. Я ничего не делаю того, что хочу делать. Кроме того, я заметила, читая определение ординарных людей в «Идиоте»⁸¹, я глубоко была поражена тем, что так ужасно орди-

---

⁷⁶ события (*фр.*).

⁷⁷ Мирской молвы многоголосый звон – Как вихрь, то слева мчащийся, то справа; Меняя путь, меняет имя он (*ит.*). Данте. Божественная комедия. Чистилище. Песнь XI. Перевод М. Лозинского.

⁷⁸ Суета сует и всяческая суета (*лат.*).

⁷⁹ Это слова царя Екклесиаста (Екк. 1: 2).

⁸⁰ Речь идет о брате Шапориной А.В. Яковлеве.

⁸¹ Имеется в виду следующий фрагмент романа Достоевского «Идиот» (1868): «Когда же, например, самая сущность некоторых ординарных лиц именно заключается в их всегдашней и неизменной ординарности или, что еще лучше, когда, несмотря на все чрезвычайные усилия этих лиц выйти во что бы то ни стало из колеи обыкновенности и рутины, они все-таки

нарна, что ничего-то во мне нет оригинального. Это грустно. Вообще я чувствую в себе полную несостоятельность: ни глубины, ни чуткости, ни серьезности чувств, ни оригинальности, ни даже смирения и кротости.

Год прошел с тех пор, как я кончила, и могу сознаться, какой тяжелый год. И главное, какая ужасная разница между этою жизнью и нашей дорогой, простой, откровенной и открытой жизнью. Жизнь между равными, без придинок со стороны, жизнь, где ты сама отвечаешь за каждое свое действие и знаешь, что если в чем нехорошо и поступила, то только за это и отвечаешь, и главное, знаешь, что имеешь дело с людьми, которые тебя не оскорбят ни за что ни про что, а если и сделают что-либо неприятное, то в твоей же воле повернуть им спину и не обращать никакого внимания. А здесь!

Сколько я перенесла от мамы оскорблений так себе, <за> здорово живешь и с ужасным чувством, что от этого никуда не уйдешь. Денег ни гроша, идти некуда. Боже мой, как вспомню последние дни в Ларине прошлую осенью или, вернее, зимой, как вспомню Пасху (уж не считаю постоянных неприятностей), так прямо холодно сердцу становится. Ах, эта заутреня, этот момент, который для меня бывал в институте самым радостным, восторженным, когда запоют в первый раз Христос воскрес, как я его провела. Ночь, ветер, холод, мы на улице между толкающихся мужиков и солдат, в черном платье. Слезы так и льются, я стою около мигающего фонаря, на сердце пусто, страшно пусто и одна горечь ужасная, а потом эта прогулка по Немецкой и Завальной...⁸²

Ах, если б мама только знала, какой след остается в сердце от всех ее выходов и как мало-помалу накапливается целая масса такой горечи, что сердцу прямо физически больно становится, я уверена, что она бы перестала устраивать свои бенефисы. Да что я жалуясь. Вероятно, это к лучшему. Впрочем, я это только к тому, сколько самого мне дорогого и святого разбилось уже за этот год. И кто это все сделал? Горько, горько. И что больно, страшно, больнее всего, что такова-то будет жизнь навек, навек.

И эта безвозвратность хороших дней, эта безнадежность чего-либо лучшего в будущем – это страшно, прямо страшно. А это так, так. Ох, как тяжело. Что делать? Не вернешь же прежнего, как не вернешь и тех лет чудесных. Что же делать? Боже милостивый, что же мне делать? Ведь мне прямо страшно, горло душит что-то, а я все же не знаю: курсы, конечно, курсы, долг будет исполнен, а счастье, счастье...

Ах ты, матушка, счастья захотела, счастья, а где оно? Для меня его *не будет*. И это-то и страшно.

Знаю, что все это нехорошо, надо смириться, отыскать ответ в Евангелии. Бог мой милостивый, спаси же меня, прости и помилуй. И дай силы.

6 июня. О, Бог мой, какая это все глупость.

Как можно себя настроить и, главное, как это все фальшиво и натянуто.

Боже мой, будь мне защитником от самой себя.

28 июня. Это, право, комично – я встаю в 6 часов, ложусь в 1 ночи. Итого бодрствую 19, а иногда и 20 часов; и в эти 20 часов я ничего, т. е. ровно ничего не успеваю сделать, и сама не понимаю, как это происходит. А между тем мне *надо* заниматься. Мне бы надо быть всегда готовой к

6 – 7

7 – 8

8 – 9

9 – 10 чай

кончают тем, что остаются неизменно и вечно одной только рутинной, тогда такие лица получают даже некоторую своего рода и типичность, – как ординарность, которая ни за что не хочет остаться тем, что она есть, и во что бы то ни стало хочет стать оригинальной и самостоятельной, не имея ни малейших средств к самостоятельности» (Ч. 4. Гл. I).

⁸² Улицы в деревне Ларино, где находилось имение Яковлевых.

10 – 11
11 – 12 } рисование
1 – 2
2 – 3 } Сашей
3 – 4 обед
4 – 5
5 – 6 } прогулка
6 – 7 чай
7 – 8
8 – 9 } латынь
9 – 10 письма
10 – 11 ужин
11 – 12 чтение

3 августа. Опять тяжело на душе – от всего, и от болтовни Мше, и от папиного письма⁸³, и так вообще.

Что же произошло с тех пор, как я писала в последний раз? Собственно в моей жизни-то ровно ничего, я по-прежнему бездействую и равна нулю. Боже мой, Боже ты мой, помоги же мне измениться. Но за это время вспыхнула нежданно-негаданно война, жертв масса⁸⁴. Туда ведут массу солдат, ведут к какому-то никому не нужному Китаю, в совершенно неизвестную Маньчжурию. Мы, люди, читающие газеты, отчасти понимаем, почему и зачем война, да и то плохо, т. к. никто не хочет, но солдаты-то, т. е. именно те, которые убивают, разве им не все равно, будет ли в Шанхае английское влияние или французское. Конечно, они все идут с радостью, потому что «служба царская» для них вроде религии. Их там режут, убивают, а мы здесь говорим. Ах, это ужасно, но какое счастье, что Васе всего 17 лет⁸⁵. Я хочу идти в сестры милосердия. Когда я первоначально захотела быть сестрой, то меня исключительно пленила именно докторская деятельность. Теперь же к этому стремлению принести посильную помощь присоединилось желание просто уехать от этой каждодневной жизни и окунуться в нечто другое, в нечто такое, что даст мне ощущений на всю жизнь. Я не умею этого высказать, но при одной мысли, что за серая жизнь меня ожидает, у меня мороз по коже и прямо страшно становится.

Я знаю, это эгоистично, но иногда я думаю, что ведь для того же и жизнь-то дана, чтобы жить. Например: я бы не хотела иметь Лелину⁸⁶ жизнь. До 23 лет покорялась маме, потом вышла замуж без особенной любви за человека около двадцати лет старше ее, некрасивого. Теперь ей 29 лет, четверо детей, четыре имения, следовательно, по горло хлопот, забот и т. д. Чем же она, бедняжка, жизнь-то помянет? И всему, я уверена, виноват этот проклятый анализ. Итак, я серьезно хочу в сестры, но теперь мама с папой. Единственно, что меня удерживает сейчас же послать прошение – это боязнь за них. А вдруг заболеют без меня? А тут как еще вспомню папино лицо, когда он был в обмороке зимой, так всякая решительность пропадает. А между тем, как бы это было хорошо, какая бы чудная переделка была бы то для меня, как я бы жизнь узнала! А главное, как меня туда тянет, как хочется. Что же делать? Что-то будет? Чем-то кончится эта война для всего мира? Мне кажется, многое повлечет она за собой, и если XIX столетие было столетием пробуждения отдельных народностей Европы, их самосознания,

---

⁸³ Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

⁸⁴ Имеются в виду военные действия в районе строительства Китайско-Восточной железной дороги: нападение крестьян («боксеров») вместе с регулярными китайскими войсками на строителей дороги, последующее вступление российских войск в Северную Маньчжурию и взятие ими городов Ляояна и Мукдена.

⁸⁵ По тогдашнему Уставу о воинской повинности в состав вооруженных сил призывались мужчины, достигшие 21 года. Речь идет о брате Шапориной В.В. Яковлеве.

⁸⁶ Речь идет о Е.Ф. Дейше.

то будущее грозит нам пробуждением рас – черной, желтой, пробуждением колоний, пора же нашему языческому милитаризму наткнуться на какой-нибудь камень.

4 сентября. Увы, мечта моя не сбылась, осталась я здесь, в сестры милосердия не поехала⁸⁷. Я уверена, будь только мама против меня, я бы с ней справилась, т. е. мама бы в конце концов поняла бы, что это все не так страшно. Но Папа – он буквально как-то дрожал даже, говорил, что для него мой отъезд равнялся бы смерти. Милый Папа! Мне представляется, что он с самого начала понял жизнь немного фальшиво, чересчур трагически – в этом все его несчастье, и я ужасно боюсь, не было бы и у меня этой склонности. Ведь это было бы ужасно. Вообще, надо признаться, характер у меня отвратительный – тяжелый донельзя и для себя, и для окружающих. Как бы мне его исправить. Вообще мне надо чуть ли не с ног до головы переделать себя. Во-1), отбросить эгоизм, т. е. постоянное наблюдение за тем, как все другие относятся ко мне, как поживает мое драгоценное Я и т. д. Затем 2) выдержка, умение властвовать собою⁸⁸, 3) мягкость, ласковость; вот главное, чего у меня совсем нет и что портит мои отношения с мамой. Потом мало ли чего мне не хватает: энергии, силы воли. Неужели же возможно этого всего достигнуть! Господи, помоги мне. Еще раз скажу: характер мой, кажется, удивительно пуст, и самые важные решения не захватывают глубины; мне как-то кажется, что все у меня происходит лишь сверху. Так решение ехать в Китай было вполне серьезное, а между тем – тоже, хотя я и постоянно об этом думала, но не могу сказать, чтоб глубоко страдала от неисполнения его. Мне больно, что я не поехала, я чувствую, что была бы счастливее, если бы поехала, теперь же сижу, стараюсь долбить латынь и всем сердцем молюсь о пленных.

Удивительно, человек мне никогда особенно не нравился, а между тем желаю успеха так, как будто чуть-чуть не влюблена. Что значит на безрыбье. Бедный, а я все-таки ему завидую. Только б остался жив.

Политика меня увлекает бесконечно, и всё новые и новые вопросы поднимаются. Всегда ли это так было или только теперь такая сильная и быстрая работа? Тут и Африка⁸⁹, и конгресс черных, и турецкая дружба⁹⁰, и сионистский вопрос⁹¹. Все это вопросы будущего. А еще славянское сближение. Все это увидит и разрешит XX век. Да! Даже жить хочется, чтобы видеть, к чему придет род людской. Ведь должен же быть конец милитаризму, ведь это противоестественно, противонравственно, должен же быть этому конец. Иногда мне кажется, что русский народ будет со временем народ буров⁹², когда вся земельная собственность сосредоточится в руках мужиков и когда культура дойдет и до них. Иногда мне приходит в голову, что уж не вправду ли свет придет от иудеев, и они, поселившись в Палестине, сделаются со временем христианами, просветятся внутренне этим учением, громадные богатства будут разделены, и этому вечному старику, вновь завоевавшему себе свою обетованную землю, придется сказать последнее и решающее слово. А тогда – тогда мы соединимся с Богом, и только тогда поймем, для чего мы жили. Да – жить интересно, но и умереть интересно. Умираешь, и перед тобою подымается завеса того, к чему мы стремимся всю жизнь.

22 сентября. Ужасно я сделалась равнодушной ко всему – например, теперь пообещали мне Крым, затем не пустили, и мне хоть бы что, только с каждым таким разочарованием я

⁸⁷ На отдельном листе дневника Шапориной написан черновик ее прошения на имя императрицы Марии Федоровны о зачислении в сестры милосердия для службы на Дальнем Востоке.

⁸⁸ Парафраз письма Онегина Татьяне из «Евгения Онегина» Пушкина.

⁸⁹ В 1890-х гг., особенно в 1898 – 1899 гг. систематически заключались международные соглашения о разграничении сфер влияния в Западной, Восточной и Центральной Африке.

⁹⁰ После антитурецких волнений на Кипре 1896 – 1897 гг. в 1897 г. был заключен мирный Греко-турецкий договор, а в 1899 г. Германия заключила договор о сотрудничестве с Турцией в постройке Багдадской железной дороги.

⁹¹ В 1897 г. в Базеле состоялся 1-й сионистский конгресс, основавший Всемирную сионистскую организацию; главной целью было провозглашено создание для евреев всего мира национального государства в Палестине.

⁹² *Буры* (африканеры) – потомки голландских поселенцев в Южной Африке, главным занятием которых является фермерство. На староголландском языке «бур» – крестьянин.

чувствую, как еще что-то живое, жизнерадостное умирает внутри. Я знаю, что это гадко, эгоистично, надо быть веселой невзирая на обстоятельства, но я не могу, не могу, впрочем, постараюсь, а пока выскажусь хоть здесь, изолю душу хоть на бумагу. Во мне существует страстная потребность жизни, потребность, которая буквально иногда душит меня, жизни же я не вижу никогда, ее нету для меня, как здесь, так и в Вильне, т. к. не могу ж я назвать веселой жизнью мое пребывание в Вильне.

В Китай меня не пустили, я было хотела теперь послать прошение, но папа, одна мысль об нем мне все портит. Теперь в Крым! Мама не хочет мне дать денег на эту поездку и бережет для Вильны, сделает 100 р. платье для скучнейших визитов без цели. Добро бы у меня была цель словить себе там жениха, а то ведь буквально не для чего эти выезды скучные, тогда как в Крыму как бы мне было весело!!!

Во мне произошло какое-то полное revirement⁹³ всех моих идей и мечтаний. Только что они приняли такой жизнерадостный характер – вдруг я вижу с маминой стороны этот отказ, таким холодом пахнуло внутри, и я решила, что, пока я дома, я от жизни не увижу ни крошечки, надо *во что бы то ни стало* поступить на медицинские курсы. Только там я опять войду в колею, только там я оживу, не буду чувствовать эту мертвую зыбь на сердце. Об любви, замужестве мне даже и думать противно, тошно; такая это все гадость, скука, если я и выйду когда-нибудь замуж, то не раньше 28 лет, а то это кабала.

Жизнь, жизнь, где ты, живут же некоторые, отчего же другие остаются как-то вне этого течения.

Это все эгоистично в высшей степени, я это знаю и поэтому постараюсь быть наружно повеселее.

Ах, пусто, пусто, пусто.

Лидуся выходит замуж. Дай ей бог счастья, хоть я и очень боюсь, что оно недолговечно.

Милые мои подруги, какие славные письма я от них получила, а Ал. Ал. говорит, что переписка глупость. Да что же я бы стала делать без них, это моя единственная отрада.

24 сентября. 19 сентября скончалась Любочка Зверева: как это грустно, печально, первая из наших. Бедная, как она исстрадалась за эти полтора года болезни.

Как-то жутко становится – которая-то теперь на очереди, а она-то умерла 20 лет, буквально ничего не изведав в жизни. Собственно говоря, ведь это громадное счастье, но почему-то все ждут от жизни многого, и когда бы ни приходилось умирать, всегда кажется: вот еще бы немножко подождать и тогда-то и будет так хорошо.

Любочка, Любочка, милая моя, желаю тебе Там удовлетворения.

28 сентября. Станице. Вместо Крыма – в Станице, и чувствую себя прекрасно, по крайней мере, совесть спокойна.

На этот раз спасибо моему поверхностному характеру, что я так недолго грустила по Крыму. Но только пусть уж Мама не будет в претензии на отсутствие у меня светскости. Живя 8 месяцев не видя буквально никого, трудно сохранить светскость и даже просто привычку к обществу. Еще возможно, когда правда имеешь эту привычку, а когда привычки-то нет, когда прямо после института пришлось в городе прожить всего 4½ месяца, да и то бывая в обществе через час по столовой ложке, тогда на светскость манер не претендуйте.

Читаю «Бесы»⁹⁴. Не могу сказать, чтоб мне очень-то это нравилось, – слишком уж тяжело читать эти отрывистые разговоры, неправдоподобные встречи всех действующих лиц. Но понравился мне очень разговор Ставрогина и Шатова ночью.

1 октября. Как возмутительна фальшь условностей нашей жизни, в особенности городской, в так называемом обществе. Даю себе слово отрясти это от себя.

---

⁹³ переворот (*фр.*).

⁹⁴ Роман Ф.М. Достоевского (1871 – 1872).

12 ноября. Станице. Почему на меня произвело такое сильное впечатление газетное сообщение 7 октября о Б. Верховском, о том, что на воротах Ляояна была найдена прибитая обезображенная голова европейца, в которой многие узнали Бориса. Ведь никогда я влюблена в него не была, никогда им не увлекалась, а между тем все-таки впечатление было очень сильное, и больше всего подействовала на меня голова – обезображена. Бедный Борис, попал же он в эту Маньчжурию только для того, чтоб сложить там свою красивую голову. Красоты жаль. Ну да, одним словом, я решила тотчас же послать прошение о принятии меня в сестры. Но, подумав день-другой, я пришла к другим выводам. Надо ли мне туда ехать?

Все-таки знаний у меня нет, да и там главное уже сделано – Маньчжурия замирена. Моя твердая цель – медицинские курсы; лучше уж сразу туда поступить, и авось мне удастся поработать на пользу и с интересом. Жизнь семейная меня не привлекает, а отталкивает. К чему я стану связываться? А вот после курсов поеду путешествовать, да не как-нибудь, а года на два, займусь серьезно медициной, авось выдержу экзамен дальше и тогда-то посвящу себя работе. Именно между окончанием курсов и окончательным погребением я хочу пожить, пожить как следует. И я не понимаю под этим каких-нибудь любовных приключений, а такую жизнь: путешествия, театры, галереи, рисование – одним словом, жизнь для себя, а потом работа вовсю.

Я эгоистка страшная и ужасно мало думаю о родителях, это гадко, но когда я буду доктором, я уже их не покину, да, впрочем, и они-то меня больше любят, когда я далеко.

Я у Лели. Вот это женщина. Я нарочно хочу это записать, чтобы, если буду жива, показать ее детям, когда вырастут. Для кого она работает, как не исключительно для них. При ее слабом сложении, при болезни почек она, невзирая ни на погоду, ни на что, ездит, ходит без устали. Так на днях мы путешествовали в Боровую⁹⁵. С утра мелкий, еле заметный, но непрерывный дождь. Серо, холодно. Укутавшись, мы едем в тряском шарабане по кочкам, колеям грязи. Там бродим с мужиками по болотам, корчевкам, кустам, которые ежеминутно стегают в лицо, затем едем дальше по громадному ляду⁹⁶ «без конца в длину, без меры в ширину»⁹⁷. Я уж сидеть не могла и пошла пешком, так как шарабан прыгал, скакал, качался по всем этим пням и корягам. И все это с болезнью почек.

Джером К. Джером:

«Сколько лишнего набирает с собою человек в путешествие по волнам житейского моря! Массу друзей, которые не любят его ни на грош; лишнюю прислугу, дорогие и скучные удовольствия; формальности, притворство, страх перед тем, что “люди скажут”! Все это суета, господа, ужасная суета.

Бросьте ее за борт вашей жизни, и вы только легче вздохнете, и легче понесется ваша житейская лодочка. Бросьте, а то и не заметите даже действительной прелести жизни: ни прозрачного свежего воздуха, ни смелой и нарядной зелени весной, ни песни прибоя на песчаном берегу, ни любви молодой и чистой»⁹⁸.

Б. р. б. н. в. о. и. л. и. х. о. п. в. д.⁹⁹

Что бы я дала, чтобы знать, жив он или нет, и чтобы остался жив. Не для меня, о нет!

27 ноября. Вчера приехала в Вильно. Начинается эта городская суতোлка, и тяжело бесконечно на душе; не к месту я здесь, не к дому. Ну что-то зима эта мне готовит, чует мое сердце, что скуку страшную, грустно, грустно бесконечно. Так я чувствую себя от этого всего

⁹⁵ Деревня в соседнем с Вяземским – Хиславичском районе.

⁹⁶ *Ляд* – заброшенная и заросшая земля.

⁹⁷ Из описания Днепра в «Тарасе Бульбе» (1835) Н.В. Гоголя.

⁹⁸ Из повести Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» (1889).

⁹⁹ Возможно, судя по дальнейшему тексту, так обозначена молитва (не поддающаяся дешифровке).

überdrüssig¹⁰⁰, уйти бы куда-нибудь от людей. И все фальшь и условности. Я не осуждаю людей, никого буквально.

Мне просто тяжело опять возвращаться к этой суетной жизни.

Вот чудный характер у Оли Плазовской. Как бы мне достигнуть такого же; так же оживать всех и освещать все; а я, горемычная головушка, только мрак да грусть.

Ох ох.

7 декабря. Мне что-то не нравится быть в обществе. В прошлом году я от каждого собрания ждала интереса, теперь же я поняла, что ничего интересного быть не может, что интерес надо искать в собственных занятиях, в личном совершенствовании.

Было сообщение Орлова. Как это хорошо, и как симпатично он читал – так и переносил в тот мир, который меня так тянет. А судьба Бориса все неизвестна!

8 декабря. Мое поступление на курсы *необходимо*. Нечего думать о том обществе, которое я там встречу, а чем раньше я встану на свои ноги, тем лучше. Я к дому не пришлась, увы, следовательно, нечего портить жизнь другим. И чтобы не попрекали потом Китаем.

25 декабря. Вот прошел месяц, как я здесь, и в данный момент я могу сказать, что привыкла уже к жизни на людях.

---

¹⁰⁰ пресыщенной (нем.).

1901

3 января. Мыслимо ли для меня какое-нибудь счастье?

Я понимаю, что начинать новый век и новый год таким эгоистичным вопросом скверно в высшей степени. Но с глаза на глаз сама с собой можно излить душу.

Мне кажется, я в этом уверена, для меня счастья быть не может. Вообще, как бы там ни было, мне кажется, что счастье для меня могло бы быть исключительно в любви, в любви бесконечной. Это для меня немислимо. Мне прямо физически больно сознание того, что я не могу влюбиться целиком, увлечься. А почему? Потому, что в меня никогда никто не влюбится, меня никто никогда не полюбит. Почему это происходит – не знаю (ведь не хуже же я всех); я думаю просто, что я пустоцвет. Надо много будет времени, чтобы вытравить из меня эту жажду любви, жажду веселья и жизни, чтобы приучить меня к положению одинокой докторши.

Иногда мне все это кажется страшным пустяком, но в особенности после балов я прекрасно чувствую эту ноющую обособленность, жажду широты, увлечения безумного; и никогда-то, никогда я не буду иметь того, чем пользуются другие.

Ну да все равно. Если бы я только могла не копаться в себе, не анализировать малейшее свое ощущение. Ведь этот самоанализ прямо возмутителен – он мне ни минуту не дает покоя.

22 января. Жизнь, веселье, где вы, где вы? Ну да все равно. Мне хотелось бы каждый день писать дневник. Хоть несколько слов – я думаю, будет любопытно прочесть в будущем.

Вчера была в концерте Фострем. Как всякое лирическое колоратурное сопрано впечатления сильного не произвела.

Сегодня в школе, по покупкам, все то же самое, и все-то у меня времени не хватает для катка, гулянья и т. п.

Боже мой, Боже мой, жив ли Борис? Что б я дала, чтобы он оказался живым.

4 февраля. Никак не могу привыкнуть писать каждый день; ну запишу, что было на этой неделе. Понедельник не помню. Вторник – бал у Назимовых; было очень весело, Алфред Кукель хочет, кажется, сосватать меня с Шауманом, по крайней мере, говорит об этом *à qui reut l'entendre*¹⁰¹. Есть ли хоть один молодой человек здесь, за которого я бы согласилась выйти замуж? Конечно, нет; я твердо уверена, что уже помимо того, что я *никому* не могу нравиться серьезно, я и по своей воле никогда не выйду.

Среда – была в театре со Стазей¹⁰², шел «Эрнани»¹⁰³. Хорошо, очень я люблю красивые лица, и вообще красота производит на меня сильное впечатление. Будь я мужчина, я была бы страшно влюбчива, т. к. не могу и так равнодушно смотреть на хорошенькие лица, женские или мужские – все равно.

Четверг вечером были у Веры Шенфельд. Бедная, бедная женщина, так мила, молода еще и прикована к такой гадости, как ее муж. И откуда она берет столько мужества, столько живости, веселости; или она уже примирилась со своей долей? Хотелось бы знать, верующая ли она? Может быть, она в вере черпает свои силы.

С четверга на пятницу (говорят, сны исполняются) я видела сон, что к нам приехали Глеб и Борис Верховские и я была очень рада возвращению этого последнего. Вдруг вчера узнаем, что Глеб и Петя Верховские отправляются на поиски. Что-то будет. Мне кажется, что он никак не может быть жив – а между тем –.

---

¹⁰¹ тем, кто может услышать (*фр.*).

¹⁰² Имеется в виду А.Н. Грузинская.

¹⁰³ Опера Дж. Верди (1844).

Вчера были в театре – «Фауст»¹⁰⁴, пела Гелнер – премило, в высшей степени грациозно, изящно. Рассматривала я Сабурова. Он прехорошенький, и я нахожу – удивительно подходит быть третьим в *ménage à Plusieurs* или *à Trois*¹⁰⁵. Представить его отцом семейства никак нельзя, а «первый любовник» бесподобный. Я, кажется, несколько наверстываю летнее одиночество.

Забыла пятницу. Каталась на коньках с О. Скалон. Она спросила, правда ли, что я выхожу замуж за Шаумана. Каково? а? Ей сказал Липкин. По утрам занимаюсь с Сашей, и меня мучит, что так мало. Из такого способного мальчика можно бы сделать гения, а я отношусь спустя рукава. Это гадко и прямо преступно.

Итальянский подвигается, латынь тоже.

Гамлет – К.Р.

Все не решен вопрос: что правит с большей властью,
Любовь ли счастьем, или любовью счастье.

Кор. И не двоякая ль в молитве сила:
Предупреждать паденье и в паденьи
Прощенье даровать?

Слова стремятся ввысь, а думы долу бродят;
Слова без дум до неба не доходят¹⁰⁶.

26 февраля. Нет, слишком уж это *embêtant*¹⁰⁷ писать каждый день и описывать все, что происходит, потом так глупо перечитывать.

Грустно у меня на сердце, больно и неудовлетворенно. Сегодня было в газетах отлучение от церкви Льва Толстого¹⁰⁸, сегодня же мне рассказывали о студентах, присланных сюда в разные полки в солдаты¹⁰⁹; совсем, говорят, мальчишки, дети, и это детей-то такими розгами секут. Это так-то наша бедная матушка Россия вступает в XX век. Уж поистине многострадальная она, и остается ей молить Бога о своих надругателях – прости им, ибо не ведают, что творят. Я нахожу, Россию можно бы изобразить в виде высокого, здорового человека, вроде Ильи Муромца, в зависимости от каких-то крошечных пигмеев. И идет он себе вперед, не зная удержу, и сам не сознает ни мощи своей, ни красоты. А начальников его желчь разъедает и страх, чего страх непонятно, страх тупых и узких людей перед всяким новшеством, перед всяким смелым поступком. И связывают они его по рукам и по ногам, и заставляют помой носить, и позорят его передо всеми. Грустно мне и оттого, что так я мало знаю русскую историю; и щемит у меня от этого сердце, и хотелось бы все сделать, что в силах, для дорогой моей России. Люблю я ее, как человека.

Боже мой, великий и милостивый, выведи меня, укажи мне путь. Ты ведь видишь душу мою, я хоть ужасно пуста и легкомысленна, но ты видишь то небольшое хорошее, что, быть может, есть во мне. Ты видишь, как мне хочется, чтоб жизнь моя не пропала даром, чтоб и я внесла лепту.

---

¹⁰⁴ Опера Ш. Гуно (1859).

¹⁰⁵ Здесь: любовный треугольник, любовь втроем (*фр.*).

¹⁰⁶ Фрагменты соответственно сцен 2, 3 и 4 из 3-го акта трагедии Шекспира «Гамлет»; см. изд.: *Шекспир В.* Трагедия о Гамлете, принце датском / Пер. К.Р. В 3 т. СПб., 1899 – 1901.

¹⁰⁷ скучно (*фр.*).

¹⁰⁸ 22 февраля 1901 г. Синод принял постановление об отлучении Толстого от церкви, как ее врага и «лжеучителя», не признающего св. таинств и подвергнувшего глумлению «величайшее из таинств, святую евхаристию» (т. е. причастие).

¹⁰⁹ Имеются в виду арестованные и приговоренные к отдаче в солдаты участники студенческих волнений, происходивших в разных городах России.

Помоги мне, Господи.

7 марта. Как относится христианство, исторически развившееся в строгий спиритуализм, к природе? – спрашивает Розанов и в конце статьи пишет: «Но насколько в нем (спиритуализме) есть порыв к осуществлению, он должен реализоваться, овеществляться, одеваться плотью, соединяться с кровью и, словом, как умерший человек есть расторгнутые плоть и дух, а живой человек есть соединенные дух и тело, так и *христианство придет в полную действительности только тогда, когда пойдет по пути слияния божия и земного, без поглощения одного другим, для усиления каждого из них через другое*»¹¹⁰.

И как подтверждение своих идей он приводит Достоевского, Зосиму, Алешу¹¹¹ и т. п. Приводит слова о том, что надо любить землю, ее красоту, ее тепло, всю ее, одним словом, как любили эллины и иудеи. Во-первых, об эллинах и иудеях в Евангелии упомянуто совсем в другом смысле – несть эллин ни иудей¹¹², а затем мне кажется, что христианство именно можно понимать духовно. И Достоевский заставляет своего Алешу любить жизнь и землю только для того, чтоб он не перешел в крайний аскетизм. В нас и так настолько преобладает материальная сторона, что надо стремиться всеми силами к одухотворению, и только человеку, сумевшему подняться уже на известную высоту духовную, только такому человеку можно взглянуть на природу и, не боясь соблазна, созерцать в ней Бога. Мы же, простые смертные, живущие почти исключительно физической жизнью, если мы себе усвоим эту теорию и станем гоняться по-эллински за красотой мирской, природной, то мы увлечемся ею, и уже не «клейкие листочки»¹¹³, не поразительная творческая мощь Бога в природе, не жизненная сила природы будет нас поражать, а мы увлечемся тою же эллинской религией красоты, которая вылилась в статуях Венер, Юнон и т. д.

Жизнь так коротка, дни наши яко цвет сельный, тако оцветет¹¹⁴, и цель ее самосовершенствование.

23 апреля. Оля Плазовская написала, что выходит-таки замуж. Если это не расстроится до 29-го, то мне будет очень жаль, и я ничего не жду хорошего от этого брака. Жена умнее и вообще куда выше мужа; что же будет через год, когда она его наконец увидит лицом к лицу? Впрочем, дай Бог, чтоб я ошибалась.

16 мая. Видела их вместе, ехала с ними от Борисова до Смоленска¹¹⁵; ничего, очень счастливы и милы, он, по-видимому, души в ней не чаёт, она даёт себя обожать и, вероятно, отвечает. Мне говорит, что он всегда будет у ее ног, это правдоподобно, и я немного успокоилась за судьбу Олэточки.

25 октября. Давно, давно не писала я здесь, милый мой дневничок. Мешала мне рассеянная жизнь, переезды с места на место. Теперь осень, зима готова наступить, природа переживает свои последние порывы, не хочется ей умирать, а суровый белый саван уже затягивает ее.

Мне опять тяжело и смутно на сердце, и я опять прибегаю к этим милым страницам, чтобы побеседовать с собой и выяснить себе себя. Это лето я провела приятно. Жизнь у Липочки – беззаботная, светлая – оставила по себе чудные воспоминания; мне кажется, там первый и последний раз я веселилась от души.

¹¹⁰ Речь идет об опубликованной накануне первой части статьи В.В. Розанова «Тема нашего времени» (Новое время. 1901. № 8987. 6 марта; продолжение последовало 23 апреля и 16 мая).

¹¹¹ Персонажи романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1879 – 1880).

¹¹² «Несть иудей ни эллин» (Гал. 3: 28).

¹¹³ Из беседы Ивана с братом Алешей (Ч. 2. Кн. 5. Гл. III); эти слова, в свою очередь, возможно, отсылают к стихотворению Пушкина «Еще дуют холодные ветры...» (1828).

¹¹⁴ Пс. 102: 15.

¹¹⁵ Примерно 300 километров.

А кроме того, приятно видеть со всех сторон такое милое отношение. Не могу я привыкнуть к постоянной маминой ругани.

Конечно, мне были приятны отношения и Вавочки, и Васи, Миши и т. д., но в особенности первых. Милые мальчики, к которым у меня останутся самые хорошие чувства. Ну, да не стоит вспоминать летних впечатлений. Все это очень поэтично и приятно, а мне, между тем, скоро минет 22 года. Боже, Боже мой, как уж я великовозрастна.

А что я сделала?

Странно: обыкновенно мужчины, которые уже с колыбели приговариваются к трудовой жизни, стараются как можно меньше делать и как можно дольше прожить в бездельи. А мы, которых не готовят ни к чему другому как к выходу замуж, да и то плохо, мы мучимся своим бездельем.

Итак: надо же мне выбрать карьеру. Передо мною два пути: рисование и медицина.

На чем мне остановиться? Я рисование люблю всей душой, могу заниматься им бесконечно, но может ли из этого выйти что-нибудь? Или ничего больше, как быть барышней, рисующей тарелочки и ширмы. Мне кажется, у меня довольно удачно выходят портреты, я легко схватываю сходство. Но есть ли у меня настоящая способность к этому делу? Медицина как деятельность мне очень нравится, быть доктором – это единственная деятельность, дающая свободу совести. Что мне сделать? Эту зиму займусь рисованием, выйдет что-нибудь или нет? Боже мой! Помоги мне, помоги, укажи путь.

1902

1 февраля. Над моей жизнью я должна поставить крест. Моей личной жизнью. Сколько было у меня жажды жизни – все уничтожено родной матерью. Удивительно! Так систематично отравлять всякое молодое радостное стремление. Теперь, когда...

6 мая. Мы вновь в деревне со вчерашнего дня, и не могу сказать, чтобы очень ликовала. Удивительно мне тяжело на сердце, так тяжело, и никак не могу себе объяснить, почему это происходит; т. е. я прекрасно знаю, почему мне грустно, я только обманываю себя. Во-1-х, мне невыносимо вспомнить, как я провела эту зиму. Мне кажется, что я не уезжала вовсе, только моя поездка в Петербург стоит светлым пятном, но как-то вне времени и пространства, могла быть в этом году, или в другое время, или даже во сне, я не отдаю себе внутреннего отчета.

Эту зиму я провела между тремя женщинами: Лелей, Натой и Олей Скалон. Из них только последняя счастлива. Я их очень люблю, но быть только увеселительницей тяжело. Общества веселого, жизнерадостного я не видала, про домашнюю жизнь и говорить нечего, это прямо ад. Я Маму люблю, ценю в высшей степени ее ум, энергию, образование, вкус, но жить с ней больше не могу.

Почему она ко мне так относится? Она меня особенно не любит, хотя, по правде сказать, мне кажется, что, кроме Саши, она никого из нас особенной, «материнской» любовью не любит. А я тут еще стою живым укором того, что мною совсем не занимаются. Но чего я выносить не могу – это попреков о деньгах. Я, кажется, могу на стену лезть от одного упрека, а ведь это постоянная песнь о том, что я их разоряю. Каково? Они для меня жизни своей не меняли, а чем я виновата, что мама дешевле 90, 80 рублей платья не заказывает? Вообще, я такой жизни больше выносить не могу, не в силах. Ах, Борис, Борис, зачем ты умер?

7 мая. Весенняя ночь. Что за ужас – весенняя ночь. Луна закрыта тучами, темно, беловато-темно, а ветер стонет, воет, ревет и опять застонет; деревья раскачиваются, как привидение – черное, страшное на сером фоне. Это огромные ветви старой елки так и рвутся куда-то. Природа хочет воли, жаждет жизни, она мятется, стонет, бушует. Такая ночь, я думаю, описана в «Воскресении». Нет, это не весенняя ночь, соловьиная, это буйная, страшная, жаждущая жизни и свободы.

Я не должна никогда связываться в жизни. Меня слишком глубоко оскорбляют малейшие оттенки грубости, не могу я жить среди людей, тяжело мне и грустно.

5 июля. Надо запомнить, что я пишу в настроении совсем спокойном: с мамой у меня отношения прекрасные, с тех пор как я объяснила, почему мне так тяжело дома. Что я ни к чему и никому здесь не нужна и при мамином энергичном характере не могу принять малейшее участие в чем бы то ни было. Мне тяжело всегда молчать и при малейшем звуке при посторонних слышать от нее (иногда и от Лели): «Люба, замолчи, ты ничего не понимаешь», а мне двадцать третий год. Мама все это поняла, и я думаю, что осенью меня отпустят. Есть ли у меня данные для рисования? Кто бы мог мне ответить? Если нет, то весной экзамен на курсы.

Это все прекрасно, но как же это тяжело сказать себе: ну, матушка, крышка, теперь впереди ничего светлого, никакого веселья, прощайся с молодостью. О, счастливые мужчины, и молодость-то для них бесконечна, а для нас? Да, впереди, быть может, у меня много радостных минут чувства выполнения долга, я к этому и стремлюсь, но все же тяжело сказать: прощай, молодость, которую и помянуть-то нечем; я начинаю верить, что счастье, хоть минуту счастья, дает только любовь, она одна может заставить забывать жизнь, а счастье только тогда, когда забываешь жизнь. А любовь для меня закрытая книга, которую судьба строго бережет от меня. Неужели же можно верить предчувствиям, я всегда была странно уверена в невозможности быть любимой и любить. Но довольно, что об этом-то толковать, теперь впереди борьба за существование, а ну как еще при всем этом судьба наградила меня папиным характером! О

Господи, тогда я поступлю в Леснинский монастырь¹¹⁶. Ведь папа чудный, идеальный идеалист, но не человек дела, а мне нужно работать, много работать, пока я только *allein*, а уж если быть в жизни *allein*, то надо быть и *frei*. *Allein* и *frei*¹¹⁷. Да! Прощай же, моя молодость, прощай, хоть и не помяну я тебя ничем. Самые светлые воспоминания мои связаны с институтом, последние 3 года – самые лучшие в моей жизни.

Очень я благодарна Милочке за прошлое лето, несмотря ни на что, я с большим удовольствием вспоминаю Огарково и Клементьево¹¹⁸, затем Станице. Вот и все, а в этом году вот уж одиночество-то.

Послало же небо нам Пингвина в наказание за грехи. Ну да все равно, не все ли равно! Всё всё равно; только надо бросить мне этот тон маринада, *vinaigre aigre*¹¹⁹, который я приняла, надо, чтоб никто не заметил, как мне горько и тяжело на душе. А что-то моя Наточка поделывает? Ведь не стоит ее В.В. ее? Вот в чем вся соль моего несчастья. Почему не стоит – любят друг друга, значит, все хорошо, а если теперь любят хорошо, и всегда будут счастливы, как мама с папой.

18 июля, четверг. Больше не могу, еду к Леле, надо чуть освежиться. Этот почти месяц полного одиночества начинает чересчур уж тяготить меня. Днем, пока я занята рисованием, пока гуляю, все идет хорошо, я довольна и не хотела бы никого видеть, чтобы уж не прерывать занятий, которые мне не надоедают; но наступают сумерки, я играю на мандолине, и все еще ничего, я не думаю; но зажигают лампы, я остаюсь сама с собой, и делается до безобразия скучно.

Отчего, не знаю; нет, такой жизни, откровенно говоря, я выдерживать больше не в состоянии.

Я прямо не представляю, как Леля могла выносить, не рисуя; положим, на третий год она и вышла замуж, чтобы не проводить четвертого года в деревне. Это, положим, нерезонно, я должна найти другой [выход] и, кажется, нашла. Я еду в этом году в Петербург; решила давать уроки, хоть час или два в день. Это времени у меня много не отнимет, а вместе с тем даст рублей 25 в месяц. Что мне и надо. И заживу занятой жизнью.

По-видимому, я делаю успехи в рисовании. По крайней мере, портреты выходят у меня очень быстро, похоже и живо, но ведь у нас ни я, ни кто другой ничего не понимают в этом.

Уехать. В общем, это очень тяжело, расстаться с мамой, с папой, няней, Сашей, да, это очень тяжело; говорю совершенно искренно, что это меня смущает. Но что же делать? Надо же мне стать на ноги, ведь оставаться барышней, ничего не делающей, я больше не могу. Воспоминание об этих трех зимах в Вильне прямо кошмар.

Соглашаюсь с Толстым: ухаживание для женщин необходимая подмазка, без которой машина вертится плохо. Хотя я думаю, это не только для женщин, но и для мужчин. Тяжело, когда знаешь, что никто тобой не интересуется, ни для кого не составляешь *чего-нибудь*. Не любит человек жить в полном одиночестве, умственном также; по крайней мере, в молодости.

19 июля. II посл. Ап. Павла к Коринф., гл. 3, ст. 17. Господь есть Дух, а где Дух Господень, там *свобода!*

12 сентября

Мне жизнь вдалеке так всегда улыбалась,
Но Солнца напрасно всю жизнь дожидалась...
Он мне не блеснул, этот луч.

¹¹⁶ Лесненский первоклассный женский Богородицкий монастырь в селе Лесно Яновского уезда Седлецкой губернии был учрежден в 1884 г.

¹¹⁷ Одна и свободна (*нем.*).

¹¹⁸ Деревни соответственно в Вологодской и Московской губерниях.

¹¹⁹ прокисшего уксуса (*фр.*).

Казалось, вот-вот облака унесутся,
Заблещет природа и песни польются...
Не глянуло солнце из туч.

Широк небосклон, но нигде нет лазури,
Все тихо, все серо, ни солнца, ни бури –
Блесни же, блесни солнца луч!

Вон видишь, как даль голубая сияет,
То солнце любимцев своих освещает.
А здесь не блеснет этот луч.

26 октября

Идем вперед – блеснет рассвет,
Минует Ночь – тьмы вечной нет.
Вот солнца луч, идем скорее,
Тьмы вечной нет, гляди бодрее.

Надеюсь, что и для меня блеснул рассвет! Ведь в самом же деле, тьмы же не может быть вечной. Я в Петербурге, в школе Александра Маковского, в котором я заметила тот недостаток, что слишком красив и интересен.

Как все это произошло? Я и оглянуться не успела, как очутилась в Москве, потом здесь, затем у Вл. Е. Маковского, и наконец теперь папа уехал, а я здесь и с понедельника иду в Школу. Это будет 28-е. Меня это поразило. Когда-то, года два тому назад, я видела сон, что уезжаю куда-то совсем, кажется, с Борисом Верховским. Он меня ведет куда-то, я чувствую во сне, что это очень важно и что огромную важность играет число 28 октября. Теперь что ждет меня? *To be or not to be?*¹²⁰ Маковский обещает будущность, но правда ли это? Ох, Боже мой, помоги мне – и так хорошо на душе, легко, светло.

23 ноября. Вчера минул месяц, как я в Петербурге. Дни проходят так быстро, что буквально не замечаю, стараюсь поймать их и не могу, а вместе с тем кажется, что уже давным-давно я здесь.

Эти 3 года, проведенные мною в Вильно, кажутся мне чем-то никогда не существовавшим, я помню нескольких людей, Наточку, Олю Скалон, помню несколько балов, несколько отдельных фактов, более или менее интересных, но в общем столько, сколько бы я могла запомнить и за один месяц пребывания, в общем же *жизни* я там не помню. Пустота, неопределенность, бесцельность, главное – именно бесцельность. Теперь же я чувствую себя совершенно иначе; мне кажется, так чувствует себя человек, спасшийся от крушения, выздоровевший после очень серьезной и опасной болезни. Легко и светло. Что день грядущий мне готовит¹²¹, конечно, неизвестно, но дорога, по крайней мере, видна. Работать надо много, очень много. Выйдет из меня что-нибудь самостоятельное – это то, о чем я мечтаю. Если же таланта у меня не окажется, у меня все же широкая дорога впереди, а именно – школьная художественная деятельность. Теперь развиваются эти художественно-прикладные искусства, – и заняться этим развитием в массе, толпе, или, вернее, народе, вкуса, художественности, что, несомненно, имеет громадное влияние на общий уровень народного духа, – это так хорошо.

---

¹²⁰ Быть или не быть (*англ.*).

¹²¹ Цитируется 6 глава «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

Потому что народное самочувствие слабо, тихо, чувствую я, что должна разразиться над нами страшная гроза, но она меня не страшит, она необходима, чтобы пробудить, встряхнуть, вызвать более быстрое кровообращение. А то тихо везде, сонно. Маковский жаловался, что и в академии настроение самое грустное, тяжелое; талантливости мало. Грустно это все. Читаю я «Жизнь и школа» Петрова¹²² – как это все верно, хорошо продумано и сказано. Жатвы много, а делателей, людей на Руси что-то мало. Верно спрашивал недавно Розанов в фельетоне словами Гоголя: не ослабла ли казачья сила, есть ли еще порох в пороховницах?¹²³ Про себя могу сказать, что у меня энергии на много хватит.

Мне тяжело думать, что я так далеко от наших всех. Леля, Саша, няня, я думаю, им без меня скучно, и я с нетерпением жду Рождества, чтобы их всех повидать. Но все же я счастлива, я давно не испытывала такого настроения, как теперь. Во-1), мне все время весело – даже странно как-то после этих трех годов, когда мне почти никогда не бывало весело, а вместе с тем ведь я не веселюсь. Помещение мое напоминает мне не то *Béranger*, не то *Quartier latin*¹²⁴ в смысле неудобств. Мансарда, за которую Аннушка и Ал. Ник. проклинали наследников, а мне чудесно.

Вспоминаю песенку *Mlle Virginie Massel* –

Combien je regrette:
Le cinquième étage
Tout rempli d'espoir
Au temps où j'avais l'amour en partage
J'étais bien heureuse près du Paradis¹²⁵.

Правда, я не имею *l'amour en partage*. Что же делать, не в кого мне влюбиться, такова уж, значит, судьба; те, кто мне могли бы безумно нравиться, вне сферы моего влияния, уже заняты, а бороться за любовь, отбивать – все это не в моем вкусе.

Итак, я очень довольна. Около 8 я встаю, в начале 10-го отправляюсь в школу, в 2 иду к чудесным старушкам Белозерским – клад, который мне послала добрая судьба. До 5 снова в школе.

Школой я довольна. Хороший или дурной это признак, но А.В. [Маковский] относится ко мне очень внимательно, он по полчаса сидит у меня, говорит, объясняет. Вот *человек*, это редкость, т. к. людей ведь в общем мало на белом свете. Я его хорошо не знаю, но мне так кажется.

Талантов в школе немного; насколько я успела приглядеться, мне пока больше всех нравится Березовская как художник. В ней искра Божия горит ярко и, Бог даст, разгорится, она удивительно самобытна и непосредственна, в общем большой ребенок, но с светлыми, чистыми убеждениями.

У нас в классе пока талантов не замечаю, но чудесный ребенок Ясинская, такая душечка и наружно, и, мне кажется, внутренне. Кирилова ничего себе, талантливее других.

---

¹²² См.: *Петров Г.* Школа и жизнь. СПб., 1902.

¹²³ Имеется в виду начало статьи В.В. Розанова «Идеалы скромных людей»: «Каждый, вероятно, помнит героический оклик Тараса Бульбы к казацким рядам во время второй и третьей, и особенно третьей вылазки “ляхов” из осажденной крепости Дубно <...>:– А что, братцы? Есть ли еще порох в пороховницах, не притупились ли казацкие сабли и не погнулась ли казачья сила?» (Новое время. 1902. № 9590. 14 нояб.). В IX главе «Тараса Бульбы» (1835) заглавный персонаж трижды обращается к казакам подобным образом, всякий раз немного иначе, у Розанова получился собственный – четвертый вариант.

¹²⁴ Латинский квартал (*фр.*) – студенческий квартал в Париже.

¹²⁵ Как я сожалею о шестом этаже, наполненном надеждой, где у меня всегда была любовь и я была счастлива, почти как в раю (*фр.*).

В том классе много типов. Симпатичный мальчик Диррихс. Такое милое, чистое личико. Толстой сказал, что женщине необходимо внимание, это верно, к своему несчастью подвержена этому и я, но пока довольна тем, которое мне там уделяют.

Маковский часто, почти всегда бывает в школе, и самые грустные минуты мои – это те, когда его совсем нет. Но что мне особенно нравится – это рвение, с которым большинство занимается своим делом. Да и немудрено. Рисование, живопись – это такое дело, которым нельзя не увлекаться, по крайней мере, для меня это единственная вещь, которой я увлекаюсь. Я это люблю всей душой. После Рождества непременно постараюсь оставаться в Школе до семи часов. Работать так работать, как следует. Меня все там ободряют и одобряют. Верить ли, нет ли, не знаю, но посмотрю и сама увижу. Боже мой, Боже мой, пошли мне сил, научи меня, покажи путь, в он же пойду.

1903

17 марта. Да, могу сказать, что эта моя жизнь вполне мне по вкусу, и если есть человек, которому на Руси жить хорошо, то это я. Говорят, кажется, что довольство настоящим – признак глупости, тупости, – но это мне все равно. Я только что просмотрела дневник – я подумала, что всей моей жизни и молодости крышка. А только здесь-то я и зажила как следует. Я занимаюсь порядочно, хотя Лебедев и говорит, что у меня все выходит легкомысленно, до 6½ или 7 остаюсь в Школе.

Вчера весь день провела с Мар. Вас. в Петергофе¹²⁶. Жаворонки, свежий воздух, природа!

Бодрость, жизнь, надежда – это все счастье, даже без любви. Надо будет непременно подробно описать впечатления этого года. Больно уж хорошо, светло и, главное, потому, что всегда занята чудным делом, и цель есть, и дело, и надежда, и весело.

---

¹²⁶ Дворцово-парковый ансамбль в 30 км от С. – Петербурга. Строительство велось с 1709 г. в течение XVIII – середины XIX в. До 1917 г. летняя резиденция российских императоров. С 1944 г. – Петродворец.

1917

1 марта. Стара я стала. На улицу не тянет, и я, пожалуй, с завистью смотрю на курсисток, разъезжающих на революционных автомобилях. Хочется или дела, или тишины. Хочу записывать дела наших дней. Прочсть будет очень любопытно лет через 5 – 10. Недаром же Россия – страна неограниченных возможностей. В Россию можно только верить¹²⁷. Я всегда верила. Только в последние тяжелые времена Штюрмера, Протопопова и т. п. стала я падать духом. Неужели мы – вековечные рабы. Неужели мы всё стерпим, всё, растлимся без остатка. И вдруг. Наши кесари не найдут, по-видимому, себе Вандей¹²⁸, на их сторону никто не встал. Печально такое паденье. Довести всех до того, что на другой день восстанья все офицеры идут с солдатами и церемониальным маршем проходят перед Родзянкой и добровольно разоружаются. Нет роялистов¹²⁹. Но брошу-ка я рассуждения, будущее покажет, опишу эти дни. Их так мало, а кажется, вечность. Когда это началось? На прошлой неделе, кажется, значит, в двадцатых числах февраля. Начали, кажется, 23-го бастовать трамваи. Рабочие бастовали, собирались на улицах, ходили разноречивые слухи об усмирении их казаками. В субботу 25-го трамваи перестали ходить совсем, и днем, говорят, была стрельба на Невском, много было убитых. На думе (городской) стоял пулемет и расстреливал толпу. К вечеру это успокоилось, но в воскресенье 26-го стали ходить слухи, что полки отказываются усмирять рабочих, что казаки везде очень мирно ездят за толпой, а усмирители только полицейские, переодетые в солдатскую форму. Рассказывали, что у Знаменской¹³⁰ пристав отсек руку студенту, несшему красное знамя. Казаки же зарубили пристава.

27-го я была на службе в цензуре. На улицах в нашей стороне было тихо как ни в чем не бывало, и в четыре часа я пришла домой. Говорили только, что в Волынском полку¹³¹ убит командир. К вечеру же начало выясняться, что дело становится серьезным и существует организация. Телефоны действовали плохо, но все же я узнала, что дума распущена, но не распущилась, Голицын в отставке, Протопопов сбежал будто бы, и Щегловитов арестован. Недолго поцарствовал бедный Иван Григорьевич. Только что аппетит разыгрался.

В начале 14-го года в Правоведении¹³² был бал. Мы с Юрой и Сашей стояли и глядели на танцующих. К Саше подошел какой-то седой и бритый сановник и попросил пригласить дочь португальского посла. «Вас просит Ваша обожаемая начальница, надеюсь, Вы не откажете». Обожаемая начальница – это М. Ф. Щегловитова.

Полки один за другим переходят на сторону рабочих. Юрий пошел после обеда к Коллингвуду на Театральную площадь. Когда он возвращался часов в 9, неосвещенная площадь была пуста, усиленно обстреливался Литовский замок¹³³. Пройти по Екатерингофскому¹³⁴ он

¹²⁷ Из стихотворения Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять...» (1866).

¹²⁸ Имеется в виду департамент на западе Франции, центр роялистских выступлений в период Великой французской революции и Директории; нарицательное название очага контрреволюции.

¹²⁹ То есть приверженцев царской власти.

¹³⁰ Церковь Входа Господня в Иерусалим на углу Невского и Лиговского проспектов; сооружена в 1794 – 1806 гг.; закрыта в 1938 г., взорвана в 1941 г.

¹³¹ Лейб-гвардии Волынский полк был сформирован в 1817 г. в Варшаве. Казармы в Петербурге в Виленском пер., д. 15 и Парадной ул., д. 3, 5, 7. Восстание одной роты 27 февраля положило начало присоединению войск Петроградского гарнизона к революции.

¹³² Императорское Училище правоведения на наб. реки Фонтанки, д. 6; высшее юридическое закрытое учебное заведение; основано в 1835 г., ликвидировано в конце 1917 г.

¹³³ Литовский замок выходил на наб. Крюкова канала, Офицерскую ул. (с 1918 г. ул. Декабристов) и Тюремный пер. Построен в 1783 – 1787 гг. С 1797 г. в нем квартировал Кавалергардский, затем Литовский мушкетерский полк. В 1823 – 1824 гг. перестроен под городскую тюрьму. Горел во время Февральской революции 1917 г.; частично разобран в 1920 – 1930-х; окончательно в 2006 г.

¹³⁴ Екатерингофский проспект (1739 – 1923, затем пр. Римского-Корсакова).

не мог – казармы Гвардейского экипажа¹³⁵ были оцеплены, и экипаж сдавался. Слышны были выстрелы. Говорят, убили одного офицера, который стрелял в толпу. Вечером гвардейцы пошли брать 2-й Балтийский экипаж¹³⁶. Там перестрелка была, по слухам, сильная. Говорят, что с соседнего страхового общества и из казарм за каналом стреляли. Экипаж был взят.

В 3 часа дня Тамара Верховская ходила в Павловский полк¹³⁷. Солдат, дежуривший у ворот, и другие рассказали ей, что, вероятно, их скоро придут снимать, они боятся, что им попадет, т. к. кто-то из ихних стрелял. Вечером мы узнали, что и павловцы присоединились к восставшим.

Я страшно беспокоилась за Васю. Как офицерство будет реагировать? Взгляды Васиной я знала, но как он отнесется, если к нему подойдет солдат и потребует оружие? Конечно не даст. Так мне казалось, и я надеялась, что Лида его не пустит в Штаб¹³⁸. Поздно вечером мы вышли на улицу. Шла непрерывная трескотня выстрелов. Где стреляли, кто, никто не знал. Ощущение было очень странное: выстрелы, оказывается, вовсе не страшны и не громки. Стреляли мальчишки и подгулявшие солдаты в воздух.

28-го утром мы пошли к Васе на Галерную¹³⁹. Везде стояли хвосты и очереди, конвоируемые солдатами. Кое-где стреляли. Ездили автомобили с красными флагами, с торчащими из окон винтовками. Вася оказался в Штабе. Когда мы вошли во двор, Лида, бледная, стояла у окна, ждала его. В страхе она решила идти за Васей и взять его домой во что бы то ни стало. По дороге мы встретили их вестового, который сказал нам, что Вася вернуться не захотел, что в 12 часов дня велено сдать (!) Штаб и он остается. Сердце упало. Но на самом деле оказалось все иначе. Хабалов, новый командующий Петроградским округом, издавший несколько неостроумных приказов, засел в Адмиралтействе с командой, поставил на крышу пулеметы и приготовился защищаться. Комитет дал знать в Штаб, что, если команда не будет выведена и не будут сняты пулеметы, Петропавловская крепость начнет бомбардировать Адмиралтейство¹⁴⁰. Большой Григорович велел тотчас же все снять, и послали из Штаба офицера, георгиевского кавалера, для переговоров. Заявили, что Генеральный морской штаб не может быть оставлен и т. д. Теперь на нем висит объявление, что Генеральный штаб находится под ведением и охраной Государственной думы.

Вася уходить не хотел, был спокоен, бледен, но сказал, что оружие снял. Пока мы стояли в швейцарской, офицеры стали уходить один за другим. Вышел и Угрюмов (который только что был архангельским генерал-губернатором). Тогда и Вася решил уйти. Мы пошли. Вася (капитан II ранга), адмирал Угрюмов и еще один офицер шли впереди, мы с Юрием и Лидой за ними, а верный Семен немного поодаль. Вели какие-то пустые разговоры. Лида спросила Угрюмова, при оружии ли он, и тот гордо заявил, что одет по статуту. Когда мы стали приближаться к Благовещенской площади¹⁴¹, Семен осторожно сообщил, что на площади солдаты останавливают офицеров и разоружают. Мы посоветовали Угрюмову снять кортик и отдать его и револьвер Семену. Он и другой офицер быстро все сняли, и мы двинулись дальше. Вот

¹³⁵ Гвардейский экипаж (пехотное подразделение гвардии, сформировано в 1810 г., расформировано в марте 1918 г.) располагался с нач. XX в. на участке между Екатерингофским пр., Екатерининским каналом (с 1924 г. кан. Грибоедова) и Крюковым каналом.

¹³⁶ Второй Балтийский экипаж (сформирован в 1810 г., распушен в 1918 г.) находился в Крюковских казармах на наб. Крюкова канала.

¹³⁷ Павловский лейб-гвардии пехотный полк (сформирован в 1796 г., распушен в 1918 г.) располагался в казармах на Марсовом поле, д. 1.

¹³⁸ Располагавшийся в Адмиралтействе.

¹³⁹ С 1738 г. Исаакиевская, во 2-й пол. XVIII в. Ст. Исаакиевская, в 1800-х – 1918 г. Галерная, в 1918 – 1991 гг. Красная ул.; ныне возвращено наименование Галерной.

¹⁴⁰ Адмиралтейство (Адмиралтейский пр., д. 1) было основано в 1704 г. для строительства и ремонта военных кораблей. Впоследствии помещение Морского министерства, Главного морского штаба и других учреждений морского ведомства.

¹⁴¹ В 1830 – 1880-х Благовещенская ул., затем до 1918 г. – Благовещенская площадь, ныне площадь Труда.

тебе и Вандея. Никто нас не остановил. Почти все солдаты отдавали честь и становились во фронт Угрюмову. Но могу сказать, что была у меня *la mort dans l'âme*¹⁴². Когда мы пришли к ним, я села в передней и прямо встать не могла. Оказывается, когда мы шли, солдаты спросили Семена: «А ваши офицеры за старое правительство или за новое?» – «Конечно, за новое», – был ответ. Узнала я, что Саша приехал в это утро. Тоже принесла нелегкая. Он присылал к Васе за директивами, и Вася велел ему снять оружие и сидеть смирно в Гусевом¹⁴³. Васина записка у меня сохранилась. Я решила идти за ним, но предварительно зашли домой. Саша был уже у меня. Он был страшно нервен и даже сказал: «Эх, зачем меня раньше не убили». Хотел идти искать Черкасова, своего командира. Ему, по-видимому, не вполне было ясно, что делать. Примириться и, так сказать, сдаться казалось оскорбительным. Я долго ему доказывала, что защищать не только *une cause perdue*, но *une mauvaise cause*¹⁴⁴ – странно. Хуже деморализовать страну, чем это делал Николай II, нельзя. Что бы ни было новое, оно будет лучше предыдущего и вернее нас приведет к победе. Саше казалось, что война проиграна, что все погибло и т. д. Я же уверяла, что только так мы и можем победить.

Кое-как я удержала его у нас до сегодняшнего утра, когда он ушел к Васе. И вчера весь день слышались выстрелы. Искали полицейских. Говорят, полицейские прятались по чердакам и оттуда стреляли, были обыски, были найдены и убиты будто бы городовые. Сегодня 1-го вслед за Сашей и я пошла на Галерную. Саша несколько успокоился. Он непрерывно звонил по телефону и узнал, что офицеры должны явиться в Зал армии и флота¹⁴⁵ за инструкциями и удостоверениями. Вилькен же рассказал, что как только в понедельник был обнародован указ о роспуске думы, Голицын спешно подал в отставку и все министры за ним. Дума же осталась заседать, и вот октябрист Родзянко волею судеб стал народным трибуном, а Штюмер, Протопопов, Щегловитов, Беляев и Добровольский сидят под арестом в думе.

Мы с Лидой пошли к нам. Издали услышали мы звуки военной музыки на Екатерингофском и бросились бегом туда. Из гвардейского экипажа шли матросы, как оказалось, с вел. кн. Кириллом и всеми офицерами во главе. Шли в Думу.

Мы устремились тоже туда, но выбрали неудачную дорогу. Пошли по Садовой. До Сенной дошли спокойно, но тут шла стрельба. Гвардеец рассказывал, что из одного дома стреляли, когда проходили полки, и двое или трое из гвардейского экипажа убиты. Нам посоветовали скрыться, т. к. должны были начать пулеметный обстрел дома, только ждали конца обыска. Мы куда-то свернули, шли по опустевшей улице, т. к. все думали, что сюда-то и будут стрелять. Вышли на Офицерскую. Пройти на Театральную площадь оказалось невозможным, т. к. горела Казанская часть и сыскное отделение¹⁴⁶, говорили, что и там кого-то ищут.

Вернулись, пошли по Прачешному переулку. На перекрестке стояли двое солдат и беседовали с любопытными. Оба рослые, красивые, они рассуждали очень разумно. Когда бабы кляли полицию, солдат заметил, что они служили как умели и что если они теперь не стреляют в солдат, то и солдаты казнить их не станут, а пошлют только на позиции. Пусть гибнут от немецкой пули, а не от русской. Стрелявшие же будут преданы полемому суду.

Пошли мы по Мойке. Видели руину Литовского замка, всю закопченную огнем. Везде по улицам летает жженая бумага. Из всех участков, тюрем и т. п. выброшены и сожжены все бумаги.

¹⁴² смятение, смерть в душе (*фр.*)

¹⁴³ В 1820-е – 1952 гг. Гусев пер., затем пер. Ульяны Громовой. Дом 3а принадлежал А.В., В.В. и Л.В. Яковлевым.

¹⁴⁴ бесперспективное, но и скверное дело (*фр.*)

¹⁴⁵ Так названо Офицерское собрание армии и флота, с 1918 г. Дом Рабоче-крестьянской Красной армии, затем Окружной Дом офицеров. Находился на Литейном пр., д. 20.

¹⁴⁶ Казанская полицейская часть и сыскное отделение находились, соответственно, на Екатерининском кан., д. 99 и Офицерской ул., д. 28.

Я рассталась с Лидой на углу Мойки и Алексеевской¹⁴⁷, и я пошла домой. С Сенной все время раздавались пулеметы, стреляли на Офицерской. Пройти по Лермонтовскому проспекту было невозможно. Слышалась ожесточенная перестрелка. Говорили, что на Эстонской церкви¹⁴⁸ пулеметы и по ним усиленно стреляли. Что-то говорили о почте, и душа у меня ушла в пятки. Шальная пуля могла залететь и в нашу квартиру. Там Вася.

Пришлось дойти до Крюкова канала. Только что подошла к Садовой, оттуда хлынула толпа, раздались выстрелы. Повернула опять по каналу, благо перестрелка у церкви прекратилась, и попала наконец на Канонерскую¹⁴⁹. На фонаре висела шуба и шапка городского, самого же не нашли. Но клянусь, если бы и нашли, на фонаре не повесили бы. Мне представляется, что не способен наш народ водрузить чью-нибудь голову на пику и ходить с ней. Не то. Душа, конечно, выше французской¹⁵⁰.

Теперь сижу дома. Последние слухи, что императрица сбежала, государя вчера пригласили в Думу, он обещал приехать – и сбежал. В Бологом¹⁵¹ же был арестован. Теперь будто бы он также в Думе. Солдат рассказывал так: «Мы хотели проститься (?) с ним по-хорошему и встретили с хлебом-солью, но он отказался». Его попросили отречься от престола в пользу сына – регентом назначен Михаил Александрович. Предлагали Николая Николаевича. Но тот будто бы отказался, говоря, что стар и устал. Есть ли в этих слухах хоть доля правды, покажет завтра. Что-то будет? Солдаты будут довольны такому обороту дела, т. к. уже вчера поговаривали: а что-то нам будет. Но рабочие? Но социал-демократы, но агитаторы, провокаторы и немцы?

Узнаем ли мы вообще когда-нибудь истину, насколько немцы, с одной стороны, Бьюкенен, с другой, ont trempé dedans¹⁵². Если же все пойдет благополучно и с таким же энтузиазмом, как началось, и крайние партии примирятся пока на золотой конституционной середине и наступление покажет немцам, как плохо шутить с огнем, тогда, право, все страны должны преклониться перед нами. Недаром тот американец, чье письмо я только что читала в цензуре, писал: «It is the most wonderful country in the world»¹⁵³.

Солдаты сегодня на улицах просто трогательны. Любезны, предупредительны, ни одного пьяного, ни одного погрома. Саша говорил по телефону, что только что разгромил с матросами винный погреб. Что такое? Оказалось, он встретил матроса с бутылкой в кармане. Остановил, велел позвать унтер-офицера, отобрали и разбили бутылку, обыскали других матросов и перебили все вино.

[21 октября 1949 года. Как обидно, что я тогда не продолжала мои записи. Но некоторые факты я помню так, как будто это было на днях. Не столько помню, сколько вижу, как вижу бледное, встревоженное лицо Лиды в окне, когда она ждала Васю из Штаба.

В один из первых же дней я решила сходить к Леле на Таврическую¹⁵⁴. Мы жили на Канонерской. Вероятно, трамваи не ходили. Улицы были полны солдат и всякого народа, но уже было тихо, не стреляли. Толпы двигались к Государственной думе, т. е. к Таврическому

¹⁴⁷ С 1923 г. – ул. Писарева.

¹⁴⁸ Речь может идти о любой из двух, находящихся в описываемом районе церквях: Эстонской церкви во имя священномученика Исидора Юрьевского (основана в 1903 г., закрыта в 1935 г., ныне действует) по адресу: Екатерингофский пр., д. 24; или об Эстонско-немецкой церкви св. Иоанна (сооружена в 1859 – 1863 гг., в 1930 г. закрыта, в 1997 г. возвращена общине) по адресу: Офицерская ул., д. 54.

¹⁴⁹ То есть к своему дому по Канонерской ул. (д. 5).

¹⁵⁰ Во время Великой французской революции по улицам носили надетыми на пику голову и сердце казненной подруги Марии Антуанетты принцессы де Ламбаль.

¹⁵¹ Город в Тверской области, на равном расстоянии от Петрограда и Москвы.

¹⁵² замешаны в этом (*фр.*).

¹⁵³ «Это самая прекрасная страна в мире» (*англ.*).

¹⁵⁴ Е.Ф. Дейша жила на Таврической ул., д. 45.

дворцу¹⁵⁵. На углу Литейной и Симеоновской¹⁵⁶ встретила Н. К. Цыбульского и А. А. Бернардацци. Последний был в встревоженном состоянии: «Я счастлив, – говорил он, – что мой отец (может быть, дед) принял русское подданство. Я горд, что я русский! Какая удивительная, бескровная революция!»

Я шла с потоком людей,двигающимся к Таврическому дворцу.

По Шпалерной против сада¹⁵⁷ группа солдат вела к думе офицера, совсем молодого, с красивым, очень бледным лицом, он был без фуражки, с его шинели были сорваны погоны.

Все мы ждали свободу, почему же так сжималось сердце? Невесело было, и я не испытывала восторга Бернардацци. Меня обогнал грузовик, переполненный юношами и девушками, с ружьями, распеваящими революционные песни. Я помахала им рукой, приветливо улыбнулась и тут же почувствовала всю фальшь своего жеста. Стало до боли стыдно за себя, и это чувство я очень остро помню до сих пор, и сейчас даже стыдно.

От весны и лета 17-го года осталось воспоминание постоянной грызни между Временным правительством и Советом рабочих депутатов, грызни между меньшевиками, эсерами и большевиками, бесконечная болтовня, блестящие речи Керенского, батальоны смерти, куда внезапно пошел Василий Порфирьевич Тиморев. Ему было уже много за 40, но этот удивительный человек заявил, что так как он единственный мужчина среди всей многочисленной родни, то считает себя обязанным идти на фронт. Ушел и пропал без вести. О том, что он жив, ранен и в плену, узнали лишь через год. Вернулся хромым. В первую же атаку, где он попал под перекрестный огонь, ему раздробили бедро.

Мы собирались на лето в Ларино¹⁵⁸. Там начинались недоразумения с мужиками, и мама просила меня разузнать у высшего начальства, – что же прикажут делать – отдавать ли немедленно землю крестьянам или обрабатывать ее самим. Почему-то меня направили к Гоцу. Помню широкую лестницу, колонны, высокое окно, залитую солнцем площадку, очевидно, это был Таврический дворец. Брюнет Гоц заявил мне: помещики обязаны обрабатывать землю, собрать урожай; аграрный вопрос еще не разрешен.

Поезд был переполнен. На вяземский поезд всегда было трудно попадать, а тут еще толпы, тучи демобилизованных.

Ехала я с Васей и его няней Лидой. Провожали нас Вася (брат) и Юрий, отбывавший воинскую повинность в Финляндском полку¹⁵⁹. В вагон, в свое отделение, мы влезли в окно. Верхнюю полку занимала добродушная тверская помещица, ехавшая с двумя мальчиками. Двинуться с места было нельзя. Все проходы были заняты солдатами, которые лежали и сидели на полу. Помещица отправила сына на рекогносцировку: можно ли попасть в уборную. Он долго пробирался и, вернувшись, заявил: «Да, мама, можно, там только два матроса».

По дороге со станции Дёма, наш кучер, рассказывал, что мужики не дают пахать, мешают сеять. Крестьяне восприняли революцию как осуществление мечты о земле и воле. Им хотелось сразу же поделить всю землю, которая им уже так давно была обещана всеми революционерами.

Столкновения начались перед сенокосом. К нам как-то утром пришли крестьяне двух ближайших деревень – Шабалина и Шатилова, постоянно у нас работавшие и бывшие с мамой и нами всеми в самых дружных отношениях, говорившие при случае: «Мы ваши, вы наши».

---

¹⁵⁵ Таврический дворец на Шпалерной ул., д. 47 был построен в 1783 – 1789 гг. для кн. Г.А. Потемкина. В 1906 – 1917 гг. место заседаний Государственной думы.

¹⁵⁶ С 1923 г. ул. Белинского.

¹⁵⁷ Имеется в виду Таврический сад, разбитый в 1783 – 1789 гг. (тогдашний адрес: Кирочная ул., д. 50).

¹⁵⁸ Имение Е.М. Яковлевой в Вяземском уезде Смоленской губернии.

¹⁵⁹ Первоначально (1806) сформирован как батальон имп. милиции, с 1811 г. лейб-гвардии Финляндский полк; располагался между 19-й и 20-й линиями Васильевского острова и Большим проспектом.

Матери все это казалось настолько оскорбительным, что она не выходила к крестьянам, все переговоры вела я. Я выросла на глазах у старшего поколения, я для них была Любочка, в лучшем случае Любовь Васильевна. Младшие были моими сверстниками, мы подрастали рядом.

Я пошла с ними в клеверное поле. Среди этих, так сказать, своих крестьян затесался один чужой, из дальней деревни Клобуково. Тут я первый раз в жизни увидела у человека оскал хищного зверя. Этот мужик почему-то тоже претендовал на нашу землю, и когда он говорил, верхняя губа, дрожа, морщилась кверху, обнажая клыки. Казалось, он сейчас зарычит, как собака, у которой отнимают кость. Главным говоруном, демагогом был Иван Иванович Ключ; он жил в Петербурге, читал «Правду»¹⁶⁰ и дорвался наконец до возможности ораторствовать. «Вот видите, – говорил он мне, – в вашем стаде 250 коров». Шаблинские луга отделялись от наших только узенькой речонкой Дымкой. Пасущееся там наше стадо было у шаблинцев как на ладони, – в нем оставалось к 1917 году всего 37 коров после того, как по проискам милых соседей (помещиков) у мамы в 1916 году реквизировали для армии 24 дойных коровы (их зарезали и сгноили на ст. Дорогобуж¹⁶¹). Все это крестьяне прекрасно знали, но разыгравшаяся алчность удесятряла в их воображении будущую добычу. Бедняги, они не знали, что им готовила судьба.

Я сделалась *chargée d'affaires*¹⁶² моей матери, съездила за то лето в Смоленск, Вязьму¹⁶³, Москву. Я брала маленький чемоданчик, а в кармане лежал томик – «Сказки» Вольтера.

За то лето я перечла все эти *contes*: «Candide», «Le taureau blanc», «Lettres d'Amabed»¹⁶⁴ и др., упиваясь блеском вольтеровского остроумия и языка, особенно радовавших меня среди окружающей начинающейся разрухи и дурных известий с фронта. В смоленских учреждениях, конечно, как и везде, была полная неразбериха.

Молодые люди в защитных френчах и широких галифе, в блестящих высоких сапогах щелкали шпорами, изящно наклоняя вперед свой торс, как это было принято у правоведов и лицеистов. Почти все были евреи. Запомнила Шора. Он очень звенел шпорами и был изысканно любезен и аристократичен. Никто из них ничего не знал и не понимал.

Это было в начале мая. Встретила в Смоленске Николая Н. Лопатина, который рассказал мне всякие городские и политические сплетни и подарил медаль в честь открытия памятника Глинке¹⁶⁵ и его биографию, изданную в Смоленске¹⁶⁶. Ездил в Вязьму. В вагоне встретила помещика нашего уезда Логвиновича, и так как я нигде не могла устроиться на ночь, он приютил меня в своей городской квартире. Мы проговорили почти всю ночь. Нам всем мерещилось огромное предательство на фронте, мы были подавлены неудачами и страдали от своего бессилия. Я даже написала злобное послание белыми стихами эсеру Чернову, который казался нам тогда главным предателем.

Логвинович показал мне курьезный документ, якобы найденный во время японской войны на убитом солдате-еврее. Это были постановления сионских мудрецов¹⁶⁷. Раз в сто лет

¹⁶⁰ Газета, основанная по инициативе Ленина в 1912 г.; в 1914 г. была запрещена, возобновлена после февраля 1917 г.

¹⁶¹ Станция и город в Смоленской губернии.

¹⁶² поверенной в делах (*фр.*).

¹⁶³ Город в 180 км от Смоленска.

¹⁶⁴ ... сказки: «Кандид», «Белый бык», «Письма Амабеда» (*фр.*). Имеются в виду философская повесть «Кандид» (1759), сказка «Белый бык» (1774) и роман «Письма Амабеда» (1769).

¹⁶⁵ Памятник М. Глинке в Смоленске работы А.Р. фон Бока был открыт 20 мая 1885 г.

¹⁶⁶ См.: Глинка М.И. Биография его по случаю открытия памятника в г. Смоленске 20 мая 1885 г. Смоленск, 1885.

¹⁶⁷ Имеются в виду так называемые «Протоколы сионских мудрецов» – подделка конца XIX в., созданная в кругах, близких к Департаменту полиции, и объясняющая развитие либерального и революционного движения существованием всемирного еврейского заговора; впервые обнародованы в 1903 г.; представляют собой тексты протоколов тайных заседаний еврейских представителей, обсуждающих стратегию достижения мирового господства. Впоследствии использовались для антисемитской пропаганды.

в Вене собираются еврейские цадики¹⁶⁸, проверяют, что сделано за истекшее столетие, и намечают, что надо делать в грядущем. Есть три силы, которые должны быть в руках Израиля: золото, печать и земля. Золото и пресса уже почти полностью захвачены, остается земля – Россия. Тут следовало нечто столь хитроумное, что я с трудом поняла и тотчас же забыла: в конечном счете земля попадала тоже в их руки.

После моей поездки в Вязьму в середине лета к нам прислали солдат для работы, крестьяне присмирели, помещики собирали урожай и стали даже ездить друг к другу в гости.

Дела на фронте были ужасны, немцы продвигались все ближе. Как-то к маме приехал крюковский управляющий графа Гейдена, немец. Он был очень бодро настроен. «Не беспокойтесь, Елена Михайловна, – сказал он, – скоро сюда придут немецкие гусары, и все будет хорошо». – «Я предпочитаю русских большевиков немецким гусарам», – ответила мать.

30 августа по обыкновению справлялись именины зятя и племянника, и мы поехали в Станице.

Пили чай на балконе. В это время принесли почту, и Леля, схватив газеты, стала читать вслух. Фронт, грызня и неистовства матросов. На «Петропавловске»¹⁶⁹ матросы арестовали несколько молодых офицеров... я закрыла лицо руками, не могла дух перевести, в смертельном ужасе ждала... На «Петропавловске» был Федя Дейша, старший сын сестры, молоденький мичман, – свезли на берег и расстреляли – следовали фамилии – Феде среди них не было.

Много позже в Париже Вася (Яковлев) говорил мне, что эти анархические расстрелы первых месяцев революции совершались, казалось, по немецкой указке. Снимались все лучшие специалисты, начиная с адмирала Непенина, командующего Балтийской эскадрой, которого англичане чтили как Бога за его разведку. А Вася был *dans le cas de le savoir*¹⁷⁰.

Летом приехал Вася с женой проститься. Временное правительство командировало его в Париж к морскому агенту как *attaché*, специалиста по балканским делам.

При нем пришли крестьяне из Самойлова. Это была самая богатая деревня в округе. О чем тут речь шла, не помню, но помню, как Степан, умный, лет 45 мужик, схватясь обеими руками за голову, сказал: «Вот сколько бы ни работал – не устаю. А в волости от разговоров да обсуждений голова кружится, словно лопнуть хочет, дух спирает, устаю так, что сил нет, ажно в пот бросает». По маминой просьбе Вася вышел к крестьянам на крыльцо. Все это происходило под окнами моей комнаты, и я могла слушать и наблюдать.

Бабы стояли сзади, и пока их мужья вели политические разговоры, они любовались братом – уж до чего красив, до чего красив.

Предки самоеловских крестьян, вероятно, были переселены при крепостном праве откуда-нибудь из чисто великорусских губерний. Рослые, красивые, хозяйственные, они выделялись среди остальных крестьян. Избы у них были высокие, из великолепного леса, а по другой стороне у них были в 16-м году каменные амбары. Теперь деревня пущена по миру, и остались в деревне древние старики (знаем это от самоеловской Анюты Антиповой, живущей спокон века у В. Н. Кардо-Сысоева). Юрию также пришлось несколько раз ездить в волость – разговаривать.

Осень 17-го года: все усиливающаяся грызня, всеми средствами подрываемый авторитет Временного правительства. «Бред-парламент», как его называли, в нем только еврейские фамилии: Дан, Либер, Гоц... и переворот.

---

¹⁶⁸ То есть праведник – название главы религиозной общины у евреев-хасидов.

¹⁶⁹ Линейный корабль Балтийского флота; в строю с 1914 г.; летом 1917 г. команда отказалась признать Временное правительство; 24 октября 1917 г. матросы-большевики направили его в Петроград и поддержали Октябрьское восстание.

¹⁷⁰ осведомлен об этом (*фр.*).

Странно и непонятно – никаких воспоминаний о перевороте 25 октября, совершенно никаких. Отголоски слухов об убийстве юнкеров и кадетов, защищавших Зимний дворец. Вероятно, предыдущими месяцами мы были подготовлены к тому, что произошло.

И сразу голод, столовые, спекулянты, оголение жизни. Полное разложение прислуг. Мы жили в четвертом этаже, из передней лестница вела наверх; там была кухня и комната для прислуги. Там начались балы. Герои дня, матросы гвардейского экипажа, наши соседи, задавали там такого трепака, стоял такой шум и грохот, что все дрожало и дребезжало. Мне пришлось к ним раз прийти и чеством просить вести себя потише. Они немного притихли.

Обе девицы в течение зимы нас покинули, соблазненные матросами.

Брестский мир¹⁷¹. Мучительное сознание позора, бессильная злоба. Несмыываемый позор, от которого никуда не спрячешься. Недаром же в Бресте застрелился генерал Владимир Евстафьевич Скалон. Я хорошо знала его брата Николая Евстафьевича и слышала от него подробности. Я ехала в трамвае, рядом сидела молодая дама с милым бледным лицом, под вуалькой. Она меня что-то спросила по-французски, я ответила. Оказалось, французенка, и сразу же заговорила о мире, «*c'est lâche, c'est lâche*»¹⁷², – повторяла она, и слезы градом катились и у нее, и у меня (я запомнила – мы ехали мимо Летнего сада).

Шла по Гостиному двору, навстречу два военных, идут молча, низко опустив голову. Хотелось опустить голову и никогда больше не подымать ее. Убийство больных, спящих Шингарева и Кокошкина потрясло всех, всю интеллигенцию. Какие-то латыши-солдаты пришли ночью и пристрелили спящих; что могло быть ужаснее, и подлее, и страшнее? Что могли мы ожидать в будущем? В день, когда были назначены их похороны, я вышла на Невский, около Литейной. Огромная толпа двигалась к кладбищу; густой серый туман низко спускался над людьми, над домами; головная часть процессии тонула в этом тумане, сумрак спустился над городом.

А в Ларине осенью 17-го года произошел следующий случай. В один прекрасный день к маме пришла дьячиха Ольга Петровна попрощаться, за ней пришли и бабы-работницы тоже прощаться. Оказывается, по Ларину прошли двое мужчин и сказали, что сегодня ночью вашу барыню убьют.

Ни о какой защите они не помышляли; раз сказано, значит, так и должно быть. Мама имела возможность в тот же день уехать в Петербург к нам, организовать защиту... Вместо этого, поужинав, она села, как всегда, к столу и погрузилась в чтение. Прислуга и староста помещались далеко, в противоположном конце дома. Дом наш растянулся в длину, а в ширину помещались только две комнаты. Столовая, где мама всегда читала, выходила на балкон, дальше шел цветник, старый парк, спускавшийся к Днепру. Столовая соединялась с гостиной широкой, всегда открытой дверью. С этой стороны за березами и каретником шла проезжая дорога. Стреляй откуда хочешь. Мама долго читала, устала, захотелось спать. Она пошла в спальню, легла не раздеваясь. «Я подумала, зачем же раздеваться, если должны убить». Крепко заснула и благополучно проснулась на следующее утро жива и невредима. Никто не приходил. Какое надо иметь мужество, чтобы так ждать смерть!

У нас в Петербурге начинался голод. Теперь, пережив блокаду, я понимаю, что это был еще не настоящий голод, голод, от которого за 3 года погибло 2½ миллиона людей¹⁷³. Но переход от полного изобилия, достатка к исчезновению хлеба, мяса, молока и многого другого был

---

¹⁷¹ Мирный договор, заключенный 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, в результате которого в пользу Германии отторгались Польша, Прибалтика, часть Белоруссии и Закавказья, а также уплачивалась контрибуция в 516 миллиардов марок; был аннулирован Советским правительством 13 ноября 1918 г.

¹⁷² «это низко, низко» (*фр.*).

¹⁷³ Точное число погибших в блокаду Ленинграда неизвестно. Разнятся даже сведения о количестве жителей к началу войны: от 2,5 миллиона до 3,5 миллиона человек. В настоящее время по разным версиям погибшими считаются от 800 тысяч до 1,1 миллиона человек.

тяжел, мучителен. Поиски продуктов, очереди за кониной (ее звали маханиной). Истощенные лица. Запомнилось мне одно лицо. Это был, как мне казалось, мелкий чиновник. Небольшого роста, в темной крылатке и котелке, лет 45 – 50. У него было круглое, одутловатое, отекавшее лицо желто-воскового цвета. Круглые карие глаза. Он всегда шел быстро, сутулясь и исподлобья глядя на встречных глазами, полными ужаса, смертной тоски. Я встречала его часто в конце Невского, у Штаба, потом он исчез – вероятно, умер. Называли целую семью, не то Нольде, не то Нолькен, отец, мать и дочь покончили самоубийством. Впоследствии, когда я бывала у мамы в Дорогобуже, она говорила, что у всех приезжающих из Петербурга и Москвы ужас в глазах.

Однажды, вероятно, в начале весны 18-го года, мы были у сестры. От голода нервы мои были в таком состоянии, что от малейшей шутки я обижалась и плакала. Ничего не могла с собой поделаться. В это время приехал Федя из Кронштадта¹⁷⁴, привез несколько буханок черного хлеба и сливочного масла. Мы все набросились на роскошное угощение. С первым же куском хлеба с маслом я почувствовала, как у меня все умиротворяется в душе.

Зимой вернулась с фронта Ната Кузьмина-Караваева. Всю войну она была старшей сестрой санитарного поезда, вывозившего раненых с Карпатского фронта. Неужели она не записала всего того, что видела, пережила, переживала за ту мучительную войну? Она много рассказывала нам. Мне всегда казалось, что она ищет подвига себе по плечу и все, что она ни делала, все оказывалось слишком мелким для ее сил. На последнем и самом трудном она и умерла в 40-м году.

Начала она с того, что когда приехал сюда первый французский авиатор, делающий мертвые петли, кажется, Пуаре, и спросил на аэродроме, где должен был показывать свое искусство, нет ли желающих лететь с ним вместе, на это отважилась одна Ната. По приезде с фронта она продолжала работать в Красном Кресте. Посещала тюрьмы, имела доступ ко всем арестованным. Ее друзья и знакомые по ее просьбе развозили пищу в тюрьмы. Помню себя и Т.Г. на извозчике с огромными бидонами, которые мы везли в Кресты¹⁷⁵. Возили суп, кашу, пироги. Разрешали носить пищу в камеры, но это обязывало посещать и убийц Шингарева и Кокошкина, и поэтому все отказывались. Министры Временного правительства сидели в Петропавловской крепости. По поручению Юрия я отнесла в крепость большую коробку папирос Терещенке. Когда Юрий поступил в консерваторию, Глазунов, Каль и др. обращались к Терещенке с просьбой помочь талантливому юноше, помочь, как они писали, «молодому орлу расправить крылья». После чего ежемесячно Юрий получал из конторы Юнкера¹⁷⁶ 100 рублей.

Терещенко выпустили зимой, он дал за себя выкуп: чек на 200 000 рублей на Киевский банк, и бежал. Киев тем временем был взят белыми, и банк уехал. Целую ночь я штопала солдатское обмундирование Юрия, которое Ната должна была передать Терещенке. Они были примерно одного роста. В какой-то шов я зашила кусочек янтаря, на счастье. Ната рассказала о Пуришкевиче. Пуришкевич был переведен в тюремную больницу. Неожиданно за ним приехало несколько матросов, чтобы перевезти в другое место. Пуришкевич потребовал начальника тюрьмы и заявил, что матросы, очевидно, хотят его пристрелить и будут объяснять свой поступок его попыткой к бегству. Поэтому он предупреждает, что никаких попыток он делать не будет. Матросы повезли его, долго возили по городу, шептались между собой и привезли обратно.

В каком-то учреждении Ната встретила одного бывшего чиновника, служившего в канцелярии ее отца в Иркутске, и генерала Селиванова, иркутского генерал-губернатора! Он в очень многом помогал ей.

¹⁷⁴ Город на о. Котлин в 32 км к западу от Петрограда. Построен в 1703 – 1704 гг. Стал главной базой Балтийского флота.

¹⁷⁵ Тюрьма, построенная в 1884 – 1890 гг. в форме креста (отсюда ее обиходное наименование), находится по адресу: Арсенальная наб., д. 5/7.

¹⁷⁶ Контора Коммерческого банка «Н.В. Юнкер и К^о» находилась по адресу: Невский пр., д. 12.

Сколько она в то время делала добра. Тогда уехал Федя. Ходила она в черной кожаной куртке, черной сестринской косынке. Была очень хороша собой. Высокая, стройная, с огромными пепельными волосами, дивным цветом лица.

Осенью 18-го года она тайно уехала с матерью Терещенки и младшим ее сыном через Финляндию, а на следующий день пришли ее арестовать.

Несколько месяцев спустя я была в их квартире на Мойке, недалеко от Литовского переулка¹⁷⁷. Там помещалось какое-то учреждение¹⁷⁸, – были голые стены, все было заплевано и загажено. Мебель Наты резного ореха была вывезена из Венеции.

Незадолго до отъезда Ната зашла к нам с Мме Терещенко, которая просила меня разрешить ее племяннику переночевать у нас. А потом конфиденциально: дайте, пожалуйста, ему тоже кусочек янтаря. Ваш янтарь так помог моему сыну. Перед моим отъездом за границу в 24-м году я убирала книги, взяла Достоевского (у меня юбилейное издание большого формата), раскрыла и ахнула. Я совсем забыла о его содержимом. Он был весь переложен официальными бланками с просьбой оказывать содействие...

Муж Наты Аглай Дмитриевич Кузьмин-Караваев был расстрелян на юге весной или летом 18-го года зелеными¹⁷⁹. Я была на панихиде по нем.

В начале весны, в чудный солнечный день мы шли с Надей Верховской через Поцелуев мост. Только что прошла Нева, каналы очистились ото льда. Мы шли по левой стороне, направляясь к Неве. По правой же на мосту и по обеим сторонам Мойки толпился народ, смотрели вниз. С той стороны на нашу перешла девочка лет 8, 9. Я спросила: «Что там случилось?» «Юнкерей ловят», – равнодушно ответила она.

В апреле 18-го года мама получила следующее извещение из Смоленска: «Сообщаю Вам, Елена Михайловна, что на основании основного закона о социализации земли бывшее Ваше имение подлежит распоряжением Вяземского уездного комиссариата земледелия между трудовым крестьянством, что Вы скоро увидите сами. 1918 г. 18 апр. Н.П. ...» (подпись неразборчива).

Что должно было быть сделано между трудовым крестьянством, осталось невыясненным, но трудовое крестьянство так и не получило Ларина. Мама съездила в Вязьму и сумела доказать, что из такого культурного, хотя и небольшого, имения надо сделать совхоз, т. е. казенное имение. Там впоследствии держали молодой скот, а в гейденовском Крюкове крупный. Там еще долго жила наша бывшая горничная Моника как специалист по птицеводству и кучер Дёма.

Дёма был поэтом в душе. Как-то я с ним возвращалась от соседней. Была тихая лунная ночь. «Ночь-то какая благодатная», – вздохнул Дёма.

Моника жила у нас очень долго. Она была из Вильны. После смерти отца в 12-м году мама стала жить круглый год в деревне, Моника осталась с ней. Однажды она мне написала, жалуясь на несправедливости и тяжелый мамин характер: «Я бы давно ушла, – писала она, – да старых индюков жалко». Индюки птица нежная, но Моника их выхаживала и выращивала замечательно. По Ларину всегда прогуливалось несколько индеек с огромными выводками. Позже, уже после отъезда матери из Ларина, крестьяне пытались поджечь имение, надеясь, что, если будут сожжены все постройки, совхоз будет уничтожен и земля перейдет к ним. Сгорело два сарая на окраине, и это, конечно, не привело ни к чему. Так было сожжено очаровательное имение Рагозное¹⁸⁰ (Шагаровых) с домом с колоннами, типичной постройкой начала XIX века. Он был построен из дуба и горел чуть ли не месяц.

---

¹⁷⁷ Шапорина перепутала Литовский переулок с Тюремным (ныне пер. Матвеева), находящимся действительно вблизи дома 104 по наб. реки Мойки, где жила А.А. Кузьмина-Караваева.

¹⁷⁸ В этом доме помещался Совет училищ реформаторских церквей.

¹⁷⁹ Так называли тех, кто в годы Гражданской войны прятался в лесах, уклоняясь от военной службы.

¹⁸⁰ Село в Смоленской губернии.

1918 год. Несмотря на социализацию, мою мать пока не выселяли, и на лето мы поехали в Ларино. В последний раз.

В 1917 году издательство «Альциона»¹⁸¹ (А. М. Кожебаткин) заключило со мной договор на издание «Зеленой птицы»¹⁸² Гоцци в моем стихотворном переводе и с моими иллюстрациями. Юрий с Васей и новой няней поехали вперед, а я заезжала в Москву для переговоров с Кожебаткиным (издателем «Альционы»). А в Петрограде в это время, летом 18-го года, свирепствовала холера, и кажется, тогда умер от холеры молодой поэт Коковцев, родственник Лермонтовых, которого я у них встречала.

Я очень увлекалась этой работой, делала рисунки в стиле XVIII века, в то же время пользуясь теми набросками и композициями, которые делала еще в 12-м году после поездки в Рим. Там я познакомилась с Гоцци, и тогда же, в 12-м году, Петтинато прислал мне *Fiabe*¹⁸³ Гоцци.

Со станции ехала на телеге с богобоязненным стариком, который, помню, все повторял: «Лукавые времена настают, ох, лукавые!»

Настроение у крестьян совсем переменялось. Ходили они, понуря голову. Переменялось и их отношение к нам. Приносили яйца, страдали. Заносчивости и агрессивности 17-го года и в помине не было, чувствовалось большое разочарование, комиссары имения были не то что старая барыня. Бывало, попадет скотина в хлев, придет за ней ее хозяин, барыня пожурит, постыдит, наговорит жалких слов, он постоит перед ней, почесывая затылок, повинится и получает безвозмездно скотину обратно. А теперь рубли плати!

Мы все же занимали весь дом по-старому; комиссар, крестьянин, присланный из Вязьмы, жил не то на кухне, не то в девичьей, не помню. Лошадьми мы пользоваться не могли, кажется, оставлена была в наше пользование одна корова. Когда стали поспевать яблоки, мы их покупали. Постепенно комиссары (их сменилось несколько человек за лето, – все они проворовывались) вымогали у матери все, что могли и на что, собственно говоря, не имели права, отобрали, например, Сашино английское верховое седло. Хлеб стали печь с мякиной, с «кыльками», говорили рабочие, так что легко было занозить рот при еде.

В середине августа из Вязьмы пришла бумага-извещение, которая гласила, что дочь землевладелицы Яковлевой должна немедленно выехать с семьей из имения Ларино. Требовалась расписка. Я на этой же бумаге расписалась: «Прочла с удовольствием. Л. Шапорина, рожд. Яковлева». Мама и Юрий смотрели мне через плечо. «Что ты делаешь, – возопил Юрий, – тебя расстреляют». – «Нет, они ничего не поймут и не обратят внимания на мой плагиат – ну, а если поймут...»

К маме несколько раз приезжала из Вязьмы очень милая и доброжелательная барышня из вяземского отдела земледелия, – она рассказала, что у них поняли мою остроту и много смеялись. Дело в том, что так, по слухам, имел обыкновение подписываться на бумагах государь Николай II.

Надо было уезжать из родного, милого Ларина. Лошадей и экипажа нам не дали. Мы сговорились с Ваней Французовым, мужем моей подруги детства и кумом Вали. Их хутор Тимошино был верстах в двух от нас, за Дымкой; лугами еще ближе.

Накануне отъезда Валя пришла к нам, ей был дан окорок, который она обернула, положила за пазуху, запахнув поддевкой, как ребенка, и унесла к себе лугами. Приходилось красть у самих себя. Отслужили панихиду на могиле отца. Приехал Ваня с двумя подводами. Мы уселись на сено и поехали. Под этим сеном был спрятан окорок. Вася, ему было 3 года, был в восторге: Ваня дал ему концы веревочных вожжей – он правил.

¹⁸¹ Символистское книгоиздательство (1910 – 1919, по другим сведениям 1923).

¹⁸² Правильно: «Зеленая птичка» (1765).

¹⁸³ Сказки (*ит.*).

Встретили по дороге знакомого мужика. Он остановился и долго качал укоризненно головой: «Не могли своих лошадей-то дать, до станции доехать!»

Перед моим отъездом я разобрала все книги и уложила все то, что моя мать могла увезти с собой в случае выселения. Мы решили оставить в Ларине лишь такие книги, как Добролюбова, Чернышевского, Решетникова.

Крестьяне настаивали на том, чтобы «старую барыню» оставить в Ларине, но высшие власти на это не пошли, и через месяц после нас мама получила распоряжение выехать. Ей дали лошадей только доехать до Погорелова, которое находилось в трех верстах от Ларина за Днепром, в Дорогобужском уезде, причем дали, конечно, не коляску, а шарабан и телегу для вещей. Мать остановилась у садовника Михаила Ивановича, который и помог ей доехать до Дорогобужа. Здесь мама нашла комнату у родственников крюковского сыровара Гфеллера.

Мы вернулись в Петербург. Надо было строить жизнь заново. Гусевский дом был отобран. Ларина не существовало. Твердая земля ушла из-под ног. Надо было зарабатывать средства к существованию, надо было что-то придумать. Весной 18-го года Юрий кончил консерваторию. Рояль, высшая награда, был присужден Бику, уехавшему впоследствии за границу и, кажется, бросившему музыку. Знакомый устроил Юрия на службу в водный транспорт, где он и проработал несколько месяцев.

По приезде мы как-то зашли в «Привал комедиантов»¹⁸⁴ к Борису Пронину. Восторженно-радостная встреча. Борис был всегда восторженно настроен; по винтовой лестнице поднялись в маленькую, уютную комнату, где уже находились Шилейко и Виктор Шкловский. Шкловский был в военной форме, помнится, в солдатской куртке, с Георгиевским крестом на груди. Он ходил взад и вперед по комнате, скрестив по-наполеоновски руки. Шилейко его поддразнивал. Говорили о ген. Корнилове, тогда началось его наступление на Петроград. «Мы выйдем его встречать с цветами», – говорил Шилейко. «Вы, конечно, – обращаясь ко мне, отвечал Шкловский, – как все женщины, готовы целовать копыта у коня победителя». Маленький Шкловский хорохорился. Он рассказывал, что крест получил от Корнилова, но будет бороться против него до последней капли крови. «За здоровье его Величества», – поднял бокал Шилейко и чокнулся со мной.

Владимир Шилейко был очень талантливый поэт и египтолог, рано погибший от туберкулеза. Очень красивое лицо, напоминавшее изображения Христа, красивые руки с длинными пальцами.

Надо было что-то придумать. Я все думала, и наконец меня озарила мысль, я даже помню, что я в это время шла через мост у Эстонской церкви и остановилась, настолько мне понравилась моя идея: надо создать народный кукольный театр! В 16-м году Н. В. Петров почти организовал театр марионеток. Построил сцену, обучил В. С. Ухову и В. Г. Форштедт, кончивших театральную студию Александринского театра. Я для него перевела «Зеленую птицу» Гоцци (легко сказать!), писала декорации. Наталья Сергеевна Рашевская шила костюмы (тогда начинался их роман)... но он, поссорившись с Александринским театром, ушел оттуда, собрал труппу и уехал в провинцию.

Я встретила моего приятеля К. К. Кузьмина-Караваева, рассказала о своих планах, ему эта мысль понравилась, и он обещал свою помощь. Он заведовал тогда художественной частью Отдела театров и зрелищ (ПТО, Петроградский театральный отдел), во главе которого стояла талантливая, умная и еще красивая Мария Федоровна Андреева, жена М. Горького. Ее секретарем или управляющим делами был Петр Петрович Крючков, заслуживший впоследствии такую печальную славу.

В ту осень моя сестра переехала в Вязму на горе себе и главным образом детям. Мой зять, сенатор А. А. Дейша, скончался весной 18-го года. У них была большая квартира из 10

¹⁸⁴ Литературно-артистическое кабаре (1916 – 1920). Помещалось на Марсовом поле, д. 7.

комнат на Таврической. Сестре предложили очистить квартиру и переехать в меньшую, что, конечно, и надо было сделать, и жили бы они припеваючи до сих пор на свою обстановку. Девочки могли бы кончить образование. Сестра моя, никогда не признававшая никаких и ничьих советов, решила, что в Вязьме «мужики их прокормят», всю обстановку, все, все сдала в Кокоревский склад¹⁸⁵ и уехала налегке в Вязьму. Кокоревские склады были вскоре реквизированы, и там пропало все имущество как сестры, так и матери. Между прочим, там пропали два рисунка Левитана¹⁸⁶, детские портреты сестры и мой чудесный китайский костюм, присланный мне в 1905 году из Маньчжурии. В Вязьме они жили в ужасающих условиях, голодали, переболели испанкой и сыпняком. Люба 14 лет принуждена была сразу же бросить учебу и поступить на работу, работала в двух местах, была для пайка суфлером в солдатском театре. Надя хоть успела до этого кончить гимназию. Мама приехала их навестить и говорила, что на Любочку жаль было смотреть. За водой ей приходилось ходить на реку. Она несла тяжелое ведро и шаталась от усталости, как былиночка.

Домовладельцы были упразднены, их управляющие также. Образовались «домкомбеды», т. е. домовые комитеты бедноты, председатели этих домкомбедов управляли домами и ежеминутно проворовывались. Запомнился один из них, Моисеев, человек лет 35 – 38, пресимпатичный, продержавшийся сравнительно дольше других. Он часто заходил к нам, приносил нам то варенье, то какое-нибудь другое лакомство или что-нибудь в том же роде. «Вы мне очень нравитесь, – говорил он, – такое поэтическое семейство!» Где он раньше служил, неизвестно, но он, захлебываясь, рассказывал нам о своей прошлой жизни. «Как я жил! Взятки брал, у Палкина¹⁸⁷ ужинал, на тройках катался».

Однажды он зашел и предложил мне купить для нас дров. Дров в продаже не было. Все кололи свои столы и шкафы, ютились в одной комнате. Приобрести дрова было верхом блаженства. Но денег у меня не оказалось. «Ну хорошо, – сказал Моисеев, – я вам на свои куплю». Он собрал деньги со всех жильцов в двух домах и бесследно исчез!

Электричество почти не горело, давалось, кажется, на час, на два. Если же электричество горело весь вечер и ночь, сердца обывателей сжимались в смертельном ужасе: это означало, что в квартале шли обыски. Был обыск у Тиморевых. Нашли Люсиного плюшевого мишку, одетого в военную форму, содрали с него погоны. На нашей лестнице было несколько обысков, нас Бог миловал; вероятно, у нас была прочная репутация «поэтического семейства». Юрий был страшный трус. В мое отсутствие он сжег Сашин правоведский мундир и треуголку и выбросил в Фонтанку два моих маленьких револьвера, а пару старинных пистолетов отдал в бутафорию театра.

Организация кукольного театра заинтересовала М. Ф. Андрееву, и 1 декабря 1918 года началась моя работа. На Литейном, 51 была экспериментальная студия отдела. Создана была коллегия, ведающая творческими делами студии. В нее входили, кажется, Михаил Алексеевич Кузмин (литературная часть), Ю. А. Шапорин (музыка), Константин Юлианович Ляндау и С. Э. Радлов, архитектор С. С. Некрасов и я – Кукольный театр. Собрания этой коллегии

¹⁸⁵ Склад для хранения мебели, принадлежавший купцу Кокореву, помещался на Лиговской ул. (с 1956 г. Лиговский пр.), д. 50.

¹⁸⁶ В своих воспоминаниях (поступили в Третьяковскую галерею в 1939 г. и опубликованы в изд.: И.И. Левитан. Письма, документы, воспоминания. М., 1956) Е.Ф. Дейша рассказала, что познакомилась с Левитаном в 1880 г., брала у него уроки рисования. По заказу ее матери Левитан сделал портреты Е.Ф. Дейши и маленькой сестры (т. е. Шапориной). Под впечатлением поездки в их имение Ларино Левитан написал «Деревню зимой». Левитан подарил ей свой рисунок сепией (не назван). Знакомство прекратилось в 1882 г. У Шапориной также хранились работы Левитана. Во-первых, это литографии «Пляска ведьм», «Гаданье на венках» и «Разрыв-трава» («Старик в лесу») (описаны как хранившиеся до 1939 г. у Шапориной и поступившие в Третьяковскую галерею: Исаак Левитан: Документы, материалы, библиография. М., 1966). Во-вторых, в хозяйственных записях за 1943 г. (ОР РНБ. Ф. 1086. Ед. хр. 9. Л. 95 об.) Шапорина зафиксировала продажу в конце этого года работы Левитана «Стадо с водою» за 200 гр. масла, 1 кг риса и 800 гр. лапши. Наконец, два рисунка Левитана Шапорина завещала (в 1959 г.?) В. Шапорину.

¹⁸⁷ Имеется в виду ресторан, принадлежавший купеческому роду Палкиных (Невский пр., д. 47).

были очень интересные (у меня сохранился лист бумаги, изрисованный Кузминым во время заседания нашей коллегии)¹⁸⁸. Эти первые годы революции были порой энтузиазма, огромного подъема творческой энергии, которая с особенной силой проявлялась в театре. Кого-кого я только не встречала в Отделе театров и зрелищ. Кроме упомянутых членов коллегии и К. Кузьмина-Караваева, работавшего под псевдонимом Тверского, Николай Степанович Гумилев, В. М. Ходасевич, А. Ремизов, И. А. Фомин, В. А. Щуко, Марджанов, В. С. Чернявский, Бобиш Романов, Лопухова – все работали там.

---

¹⁸⁸ В архивных фондах Шапориной этот лист не обнаружен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.